

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.

Мирный договоръ или вѣрнѣе дружественный союзъ Россіи съ Франціею, заключенный 25 іюня (7 іюля) 1807 года въ Тильзитѣ, оказался столь непрочнымъ, что уже годъ спустя понадобилось возобновить его въ Эрфуртѣ. Со стороны Наполеона искренности нельзя было и ожидать; если онъ приглашалъ Александра къ новому свиданію и увѣрялъ, что день пріѣзда русскаго монарха въ Парижъ былъ бы „лучшимъ его жизни“¹⁾, то имѣлъ на это свои причины: дѣла въ Испаніи, гдѣ онъ вознамѣрился низвергнуть Бурбоновъ въ пользу своего брата Іосифа, стали принимать серьезный оборотъ; чтобы покончить съ ними, необходимо было обезпечить себя со стороны волновавшейся Австріи, а для этого онъ нуждался въ содѣйствіи Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечталъ о походѣ въ Индію съ участіемъ 20—25.000 русскыхъ войскъ²⁾. Но и Александръ, воевавшій тогда съ Турціею и Швеціею, соглашался на новое свиданіе только потому, что считалъ союзъ съ Наполеономъ необходимымъ; личныя же къ нему восторженные чувства, вынесенныя изъ Тильзитскаго сближенія, продолжались недолго; это удостовѣряется словами, сказанными имъ вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ французскому посланнику Савари: „говорятъ, что Императоръ даетъ мнѣ обѣщанія, которыя не намѣревъ исполнить, и что отношенія его измѣнятся, какъ только онъ достигнетъ отъ меня чего желаетъ“³⁾. На сколько вѣрно, русскій монархъ уже

¹⁾ Инструкция Наполеона своему посланнику въ Петербургъ, въ февралѣ 1808 г.

²⁾ Тьеръ. Часть VIII, стр. 172.

³⁾ Тьеръ. Часть VIII, стр. 172.

тогда понималъ своего друга, усматривается также изъ его отвѣта князю Волконскому, передавшему ему, по возвращеніи изъ Франціи, слова Наполеона: „Скажите Вашему Государю, что я его другъ, если мы останемся въ союзѣ, міръ будетъ принадлежать намъ; мы можемъ его раздѣлить на двѣ части, какъ это яблоко, которое я держу въ рукахъ, и каждый изъ насъ получитъ половину“. На это Александръ замѣтилъ; „Сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую“.

Въ сентябрѣ 1808 г. оба монарха съѣхались въ Эрфуртѣ. Тамъ они скрѣпили мнимый союзъ свой снова и напередъ обязались признать: съ одной стороны возможное пріобрѣтеніе Дунайскихъ княжествъ Россіею, съ другой—проблематическое воцареніе Наполеоновской династіи въ Испаніи. При этомъ Александру удалось однако облегчить судьбу Пруссіи. Еще передъ тѣмъ онъ столь рѣшительно отклонилъ предложеніе предоставить Франціи Силезію, взамѣнъ уступки Дунайскихъ княжествъ Россіи¹⁾, что Наполеонъ постыжился успокоить его увѣреніемъ, что онъ отказывается отъ этой мысли²⁾. Теперь онъ выговорилъ уменьшеніе контрибуціи на 20 милліоновъ франковъ, разорочку ея уплаты и выводъ французскихъ войскъ изъ прусскихъ предѣловъ. Что же касается Австріи, то попытка возстановить противъ нея Императора Александра повели только къ весьма неопредѣленному обѣщанію оказать содѣйствіе въ случаѣ объявленія ею войны Наполеону. Такимъ образомъ, главная цѣль „Эрфуртской комедіи“ въ сущности не была достигнута. Обманутымъ остался самъ Наполеонъ. „Императоръ Александръ расположенъ все сдѣлать, что я захочу“³⁾, сказалъ онъ Талейрану въ 1-й день свиданія. Передъ отъѣздомъ онъ заговорилъ другое: „я ни въ чемъ не успѣлъ у Императора Александра; впрочемъ, одинъ ужъ фактъ нашего свиданія испугаетъ Австрію: она подумаетъ, что есть тайныя статьи, и не я ее разуверю“⁴⁾. Послѣ 17-ти дневнаго пребыванія въ Эрфуртѣ монархи разстались, чтобы никогда болѣе не видѣться.

Послѣдовавшія затѣмъ событія, съ одной стороны: война Россіи съ Швеціею и возобновленная ею послѣ продолжительнаго зстоя боевыя дѣйствія на Балканахъ, а съ другой: неожиданное сопротивленіе, встрѣченное Франціею въ Испаніи, и возгорѣвшаяся въ 1809 г. война ея съ Австріею, — настолько поглотили вниманіе

¹⁾ Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 395.

²⁾ Письмо отъ 2 февраля 1808 г. Correspondence de Napoléon I, T.

³⁾ Mémoires du prince de Talleyrand. T. I, стр. 423.

⁴⁾ Тамъ же стр. 439.

обидѣ императоровъ, что личныя ихъ отношенія стали постепенно охлаждаться, а потомъ и обостряться. Наполеонъ дорожилъ союзомъ съ Россіею до окончательнаго подавленія центральной Европы,— когда же цѣль эта была достигнута, союзникъ сталъ соперникомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и противникомъ. „Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ“, сказалъ Наполеонъ послѣ Шенбрунскаго мира; „остается только Россія, но я подавлю ее“...¹⁾ Въ этихъ словахъ заключается объясненіе всей послѣдующей его политики. Къ тому же въ политикѣ чисто персональной, какова была политика Наполеона, личныя чувства имѣютъ первостепенное значеніе; это подтвердилось и относительно Россіи, когда явилось обстоятельство, возбуждавшее въ самолюбивомъ корсиканцѣ ненависть и жажду мщенія. Уже въ Эрфуртѣ французскій императоръ, не имѣвшій наследника и рѣшавшійся расторгнуть свой первый бракъ, выразилъ желаніе породниться съ російскимъ императорскимъ домомъ; но во время переговоровъ великая княжна Екатерина Павловна была успѣшно обручена съ привцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Наполеонъ не хотѣлъ понять этого отказа, и около года спустя предметомъ его желаній сдѣлалась другая сестра Александра, Анна Павловна; онъ возобновилъ свое предложеніе, но и въ этотъ разъ встрѣтилось препятствіе: слишкомъ большая молодость великой княжны. Тогда озлобленный императоръ, не дождавшись даже окончательнаго отвѣта, обратился къ австрійскому двору, со стороны котораго успѣхъ былъ обезпеченъ.

Первымъ наружнымъ поводомъ къ несогласіямъ между Россіею и Франціею послужило усиленіе герцогства Варшавскаго западною Галиціею, съ населеніемъ слишкомъ въ полтора милліона. Открытые вслѣдствіе того переговоры о томъ, что Польское королевство не будетъ восстановлено, были сначала приняты весьма благосклонно Тюльерійскимъ кабинетомъ, который отвѣчалъ, что императоръ Наполеонъ готовъ даже содѣйствовать, чтобы имя Польши и поляковъ исчезло изъ государственныхъ актовъ и исторіи“²⁾. Когда же заключенная конвенція была послана въ Парижъ, Наполеонъ отказалъ въ ея ратификаціи; это было первое мщеніе оскорбленнаго самолюбія. Теперь послѣдовалъ длинный рядъ упрековъ и обвиненій: Россія принимала слишкомъ слабое участіе въ войнѣ 1809 года; континентальная система не соблюдается ею довольно строго; Фридрихсгамскимъ трактатомъ обѣщано содѣйствіе къ вз-

¹⁾ Dans cinq ans je serai le maître du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai. Gardon. Histoire des traités de paix.

²⁾ Делема французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 14 октября 1809 года.

мнѣнію въ некоторыхъ постановленій этой системы въ пользу Швеціи и т. д. Но у Наполеона обвиненія имѣли всегда двойную цѣль: для будущаго онѣ готовили давно уже задуманную войну, а для настоящаго служили оправданіемъ совершаемыхъ насилій. Такъ и въ этомъ случаѣ; упрекъ Александра въ неправомерностяхъ, онъ самъ позволилъ себѣ дѣйствія, которыя, по произволу, едва-ли не превосходили всѣ прежнія. Въ іюль 1810 года Голландія была присоединена къ французской имперіи; но въ ноябрѣ та же участь постигла Валезкую республику; въ началѣ декабря Ганзейскіе города и все побережье Сѣвернаго моря до Эльбы были объявлены принадлежащими Франціи, а въ концѣ того же мѣсяца герцогъ Ольденбургскій былъ лишенъ своихъ владѣній. Эта послѣдняя мѣра была отчасти направлена противъ русскаго монарха, такъ какъ Ольденбургское герцогство, доставшееся младшей линіи Гольштейнъ-Готторискаго дома, должно было, въ случаѣ пресѣченія этой линіи, поступить въ обладаніе Императорской російской династіи. Тѣмъ не менѣе на представленія нашего посла послѣдовали лишь уклончивые отвѣты: „Императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ всевозможное, чтобы вознаградить герцога, небольшія государства не могутъ сохранить своей самобытности, коль скоро она несогласна съ выгодами великихъ державъ“ и тому подобныя фразы. Тогда Императоръ Александръ объявилъ протестъ въ формальной деклараціи, которая была разослана всѣмъ европейскимъ дворамъ. Замѣчательно, что при общемъ раболѣнствѣ къ Наполеону, русскимъ посланникамъ стояло даже труда, чтобы вручить протестъ дворамъ, при которыхъ они были акредитованы. Эта декларація, какъ актъ политики самостоятельной, не могла не раздражить Наполеона. Но въ большей еще степени его неудовольствіе было возбуждено подобнымъ же актомъ внутренняго управленія, появившимся почти одновременно съ предъидущимъ; это былъ тарифъ 19-го (21-го) декабря 1810 года. Континентальная система лишала Россію возможности сбывать моремъ свои сырыя произведенія и вынуждала покупать мануфактурные и колониальные товары дорогою цѣною. Для Наполеона же эта система служила не только мѣрою противъ Англіи, но и давала ему поводъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ и обращаться къ нимъ съ постоянными требованіями. Повятому, поэтому, съ какимъ негодованіемъ онъ встрѣтилъ новый русскій тарифъ, по которому пошлина на колониальные товары была уменьшена, тогда какъ предметы роскоши, производимые преимущественно во Франціи, были либо высоко обложены, либо запрещены вовсе. Всѣ эти обстоятельства внесли въ отношенія обоихъ монарховъ взаимное недовѣріе; люди, про-

внимательные давно уже видѣли, что Наполеонъ ищетъ разрыва, и что война рано или поздно должна разразиться, а Императоръ Александръ, хотя и не совсѣмъ еще раздѣлялъ убѣжденія пессимистовъ, признавалъ однакожъ необходимымъ готовиться къ возможной борьбѣ. Для исполненія этой-то задачи былъ призванъ Барклай.

Барклай-де-Толли пользовался уже тогда репутаціею выдающагося генерала; въ арміи и въ обществѣ имя его провозносилось съ уваженіемъ и даже будущіе враги: Беннигсенъ, Багратионъ, Аракчеевъ были въ числѣ особенныхъ его почитателей. Участіе въ войнѣ 1806—1807 г. вывело его изъ неизвѣстности: авангардный бой у Колозомба, гдѣ со слабымъ отрядомъ онъ задержалъ напоръ двухъ французскихъ корпусовъ; сраженіе подъ Пултускомъ, въ которомъ онъ такъ много содѣйствовалъ побѣдѣ; искусныя дѣйствія арріергарда, которымъ онъ прикрывалъ продолжительное отступленіе арміи; наконецъ и геройская защита 27 января (8 февраля) Пр.-Эйлау, гдѣ непріятельская пуля раздробила ему кость правой руки,—это были подвиги, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ. Наполеонъ пожелалъ узнать имя генерала, столь смѣло и искусно преграждавшаго ему путь отъ Алленштейна до Эйлау; а Императоръ Александръ, пріѣхавшій въ концѣ марта на театръ войны и посѣтившій королевско-прусскую чету въ Мемелѣ, гдѣ Барклай лечился отъ тяжелой раны, не ограничился оффиціальными заявленіями своего благоволенія¹⁾, но удостоилъ его личными посѣщеніями и продолжительными бесѣдами. Это личное сближеніе монарха съ Барклаемъ, вызвавшее съ одной стороны полное довѣріе, а съ другой безпредѣльную преданность, имѣло большія послѣдствія: Александръ узналъ того, которому нѣсколько лѣтъ спустя ввѣрялъ судьбу отечества.

Къ этому времени относится также знаменательное изреченіе Барклая, произнесенное имъ въ разговорѣ съ историкомъ Нибуромъ о лучшемъ образѣ дѣйствій противъ Наполеона. „Въ случаѣ вторженія его въ Россію“, сказалъ онъ, бесѣдуя съ названнымъ ученымъ въ Мемелѣ, „слѣдуетъ искуснымъ отступленіемъ заставить непріятеля удалиться отъ операціоннаго базиса, утомить его мелкими предпріятіями и завлечь во внутрь страны, а затѣмъ съ сохраненными войсками и помощью климата подготовить ему, хотя-бы за

¹⁾ Ему были пожалованы орд. Св. Георгія 3-й ст. и Св. Владиміра 2 ст., производство въ генераль-лейтенанты и назначеніе начальникомъ 6 дивизіи.

Москвою, новую Полтаву" ¹⁾). Слова эти врезались Нибуру въ память, и когда въ 1812 г. назначеніе Барклая главнокомандующимъ сдѣлалось извѣстнымъ, онъ сообщилъ ихъ генералу Дюмо, а послѣдній—маршалу Бертье ²⁾).

Возгорѣвшаяся въ 1808 г. война съ Швеціею призвала Барклая, едва излѣчившагося отъ раны, къ новымъ подвигамъ, изъ которыхъ особенно прославилъ его въ началѣ 1809 г. знаменитый переходъ русскаго отряда по льду Ботническаго залива изъ Финляндіи въ шведскій гор. Умео. Движеніе это, около 110 в., было совершено чрезъ проливъ Кваркенъ по цѣльному снѣгу зимней пустыни, не представлявшей никакихъ предметовъ для ориентированія, но пересѣченной мѣстами разбросанными бурями, ледяными глыбами, при 15 гр. мороза и при вѣтрѣ, стѣснявшемъ дыханіе, отчасти даже въ густомъ туманѣ какъ въ ледяномъ облакѣ. Бивачные огни послѣдней стоянки и первые выстрѣлы нашихъ казаковъ произвели на жителей потрясающее впечатлѣніе; никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность появленія русскихъ войскъ изъ лежащей за моремъ Финляндіи, и самъ гр. Кронстедтъ, распустившій передъ тѣмъ часть своихъ войскъ по домамъ, призналъ это появленіе „совершившимся чудомъ“. Не удивительно поэтому, что онъ поспѣшилъ выслать парламентаря и затѣмъ пріѣхалъ самъ для переговоровъ, на которые Барклай согласился съ условіемъ, чтобы непріятель немедленно сдалъ ему г. Умео со всѣми боевыми и продовольственными запасами и очистилъ Вестерботнію до Гернесанда, въ 220 п. къ югу отъ Умео. Въ тотъ же день, 10 марта изнемогавшія войска наши вступили въ городъ и нашли въ немъ, кромѣ военной добычи, всякаго рода запасы. На другой день прібылъ туда послѣдній полкъ перешедшаго отряда, и Барклай, въ ожиданіи изъ Финляндіи остальныхъ трехъ полковъ экспедиціоннаго корпуса, сталъ готовиться къ новымъ операціямъ. Но уже 12 марта все измѣнилось: гонецъ привезъ отъ главнокомандующаго извѣстіе о внезапномъ заключеніи перемирія и предписаніе безотлагательно возвратиться въ Финляндію. О перемиріи извѣстивъ его вслѣдъ затѣмъ и шведскій генералъ Кронстедтъ. Однако Барклай не счелъ нужнымъ торопиться обратнымъ движеніемъ, такъ что головной эшелонъ выступилъ лишь 15, а арріергардъ 17 марта; при этомъ онъ возвратилъ шведамъ военную добычу и убѣждалъ свои войска особымъ приказомъ „не занятнать пріобрѣтенной славы и оставить въ чужомъ краѣ память,

¹⁾ М. Dupos, Souvenirs. Ч. III, стр. 416—417.

²⁾ Дюмо полагаетъ, что эти слова не могли не быть переданы Наполеону.

которую бы чтит потомство". И они послушались своего начальника, эти герои Кваркена; это удостоверяется самим Барклаемъ, въ дневникѣ котораго читаемъ: „При выступленіи изъ Умео явился ко мнѣ губернаторъ, въ сопровожденіи магистрата и депутацій, и благодарилъ за сохраненный войсками порядокъ и соблюденную ими дисциплину; въ произнесенной имъ рѣчи онъ сказалъ, что ихъ поведеніе оставить у него и его согражданъ неизгладимую память. Признаюсь, въ эту минуту я чувствовалъ себя счастливымъ“.

Такъ кончилась безпримѣрная въ военной исторіи экспедиція черезъ Кваркенъ, прославившая русское оружіе и его вождя. Достигнутые ею результаты оказались гораздо важнѣе, нежели можно было ожидать; не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, побудившемъ шведское правительство посѣлшить заключеніемъ мира, она повліяла и непосредственно на ходъ военныхъ дѣйствій: генералъ Гривенбергъ, атакованный графомъ Шуваловымъ изъ Торнео, получивъ 13 (25) марта извѣстіе о занятіи русскими въ тылу его г. Умео, нашелся вынужденнымъ положить оружіе.

Императоръ Александръ выразилъ свою признательность Барклаю производствомъ его въ генералы-отъ-инфантеріи, хотя онъ былъ изъ младшихъ генералъ-лейтенантовъ. Но этимъ благорасположеніе къ нему монарха не ограничилось; вождь затѣмъ онъ назначилъ его главнокомандующимъ финляндской арміи, а недѣли двѣ спустя и генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Для человека скромнаго, какъ Барклай, производство показалось преждевременнымъ и незаслуженнымъ, такъ что гр. Шуваловъ писалъ ему: „могу Васъ увѣрить, что Вамъ воздано по заслугамъ, что Вашъ переходъ вызываетъ удивленіе“. Новыл же назначенія даже испугали Барклая; онъ зналъ людей и понималъ, что успѣхъ возбуждаетъ зависть и вызываетъ вражду; онъ также зналъ искусство Аракчеева предубѣждать монарха противъ людей самостоятельныхъ, которыхъ онъ самъ, при своемъ близорукомъ высокомеріи, переносить не могъ. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Барклай написалъ письмо Императору Александру, въ которомъ просилъ о сохраненіи къ нему довѣрія и въ случаѣ недоброжелательныхъ толкованій его дѣйствій со стороны завистниковъ ¹⁾. На это письмо послѣдовалъ самый снисходительный отвѣтъ: „Призвавъ васъ къ командованію Финляндскою арміею, я руководствовался лишь чувствомъ справедливости и уваженія къ вашимъ военнымъ дарованіямъ и личнымъ качествамъ. Имѣя столь прочное основаніе, мое мнѣніе о васъ не можетъ никогда измѣниться; оно одно достаточно, чтобы отразить зависть,

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли отъ 12 мая 1809 г.

если бы таковая посмѣла когда-либо подняться противъ васъ ^{*)}. Къ этому же времени относится и рескриптъ о назначеніи Барклая генералъ-губернаторомъ Финляндіи, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „зная усердіе ваше къ добру и ваши либеральныя правила, я убѣжденъ, что это назначеніе будетъ имѣть самое благотворное вліяніе на общую пользу страны и преуспѣяніе ея жителей“. Слова: „либеральныя правила“ могли бы показаться не соответствующими стояческому характеру Барклая; но если видѣть въ нихъ безразличное уваженіе человѣческаго достоинства и права каждаго, отвращеніе къ употребленію правъ сильного и тотъ благотворный духъ реформъ, который стремится къ совершенству, то онъ дѣйствительно былъ человѣкъ либеральный и доказалъ это не только въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ своей административной дѣятельности.

Миръ съ Швеціею былъ подписанъ 5 (14) сентября въ Фридрихсгамѣ. Россія приобрѣла всю Финляндію съ Аландскими островами; граница Имперіи на западѣ, проведенная по Аландскафу, Ботническому заливу съ р. Торнео и Умео, была отодвинута до крайнихъ естественныхъ предѣловъ, и этимъ прекращены дальнѣйшіе поводы къ возобновленію вѣковыхъ войнъ, отъ которыхъ Финляндія наиболѣе страдала.

Дѣятельность Барклая въ Финляндіи, какъ составной части имперіи, вступившей въ новую политическую эру мирнаго развитія, была непродолжительна. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и 20 января 1810 г. вступилъ въ управленіе столь важнаго въ то время военнаго министерства.

Барклаю-де-Толли было тогда 48 лѣтъ, но по лицу онъ казался старѣе, что было послѣдствіемъ страданій во время продолжительнаго лѣченія раны. Страданія эти никогда, впрочемъ, не покидали его совершенно; раненою рукою владѣть свободно онъ болѣе не могъ и даже, по святій повязки, долженъ былъ искать для нея подпоры или поддерживать лѣвою рукою; садиться на лошадь онъ также безъ посторонней помощи не могъ. Блѣдное, продолговатое лицо его имѣло серьезное и нѣсколько задумчивое, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно доброе выраженіе; раннія морщины лежали посреди открытаго, высокаго лба, обнаруживавшаго силу воли и глубину

^{*)} Отвѣтъ отъ 23 мая 1809 г.: „En vous appelant au commandement de mon armée en Finlande, je n'ai suivi que le mouvement de la justice et de l'estime, que j'ai conçu pour vos talens militaires et votre caractère personnel. Fondée sur ces motifs, mon opinion sur votre compte ne saurait jamais varier; seule elle suffira pour repousser l'envie si jamais elle osait s'élever contre vous“.

мысли. Барклай былъ высокаго роста и держался прямо; во всей наружности его проявлялась нѣкоторая величавость, которая становилась поразительною въ бою, когда, среди опасности и общаго волненія, онъ неподвижно сидѣлъ на конѣ, спокойно слѣдилъ за ходомъ дѣла и хладнокровно отдавалъ приказы; въ такія минуты онъ внушалъ окружающимъ невольное удивленіе, и, какъ выражался одинъ изъ его адъютантовъ ¹⁾, имъ казалось, что неподвижная его фигура растетъ на ихъ глазахъ. Въ обращеніи своемъ Барклай былъ простъ, вѣжливъ со всѣми и ласковъ съ подчиненными ²⁾; но вообще онъ держался нѣсколько вдали отъ людей и рѣдко съ кѣмъ сближался. Несообщительность, лежавшая въ его характерѣ, сдѣлалась еще замѣтнѣе послѣ событій 1812 года, и справедливо выразился одинъ изъ его современниковъ, сказавъ, что Барклай, „ненавидимый тогда всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія не выразилъ того, что у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ никогда о нихъ не говорилъ ³⁾“. Дѣйствительно, если бы письма его къ женѣ не сохранились, то осталось бы навсегда скрытою та внутренняя борьба, которую онъ испыталъ въ тяжкій годъ отечественной войны. Съ приближенными Барклай не былъ фамиліаренъ, но принималъ въ нихъ самое теплое участіе. „Во время сраженія“, рассказываетъ Левенштернъ ⁴⁾, когда глаза его зорко слѣдили за ходомъ боя, онъ не замѣчалъ пуль, наносившихъ тяжелыя и смертельныя раны окружающимъ его и близкимъ ему лицамъ; но вслѣдъ за тѣмъ онъ снова обращался въ заботливаго начальника, принимавшаго къ сердцу страданія своихъ подчиненныхъ“. Солдатъ онъ любилъ, имѣлъ о нихъ самое тщательное попеченіе и никогда не употреблялъ противъ нихъ бранихъ словъ ⁵⁾; неумолимъ онъ былъ только въ случаяхъ нарушенія дисциплины и нанесенія обиды жителямъ. Заботливость его распространялась и на офицеровъ, положеніе которыхъ, весьма мало обезпеченное, возбуждало его сочувствіе. Въ одной изъ записокъ, поданныхъ имъ Государю, было сказано: „необходимо улучшить судьбу нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ,

¹⁾ Левенштернъ. *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 227.

²⁾ Въ первыхъ числахъ мая 1808 года И. П. Липранди, явившійся къ нему по случаю назначенія колавожатымъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „Не видавъ до сего времени боевыхъ генераловъ, я былъ пораженъ простою и вѣжливостью, внушавшими какое-то особенное уваженіе“.

³⁾ Автобіографическія записки Егора Федоровича Ф.-Брадма.

⁴⁾ *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 231.

⁵⁾ Воспоминанія Булгарина.

имѣющихъ худшее положеніе, нежели солдаты, ибо для послѣднихъ требуется лишь лучшее обращеніе, т. е. чтобы ихъ считали людьми, одаренными чувствами и патриотизмомъ ¹⁾“. Барклай былъ строгъ по службѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно справедливъ; къ молодежи онъ еще относился снисходительно, но отъ начальниковъ требовалъ серьезнаго исполненія обязанностей. Онъ не любилъ многословія, а въ особенности хвастовства; фанфаронство презиралъ, ляхую удаль не цѣнилъ, а запальчивой храбрости всегда предпочиталъ спокойное мужество. Образомъ жизни и привычками онъ отличался отъ своихъ современниковъ не менѣе, нежели свойствами характера. Не имѣя состоянія, Барклай долженъ былъ жить весьма скромно, но онъ не находилъ въ этомъ лишенія, не дозволяя себѣ роскоши и не чувствуя въ ней потребности, онъ однакожь былъ радушнымъ хозяиномъ; въ домѣ его не встрѣчалось, конечно, того широкаго раздолья, которое составляло тогда въ глазахъ многихъ какъ бы необходимую принадлежность высокаго званія, но онъ находилъ удовольствіе видѣть за своимъ столомъ сослуживцевъ и подчиненныхъ и прислушиваться за обѣдомъ къ сужденіямъ молодежи; въ разговорахъ этихъ онъ самъ большаго участія не принималъ, но слѣдилъ за ними и выражалъ свое сочувствіе одобрительными улыбками ²⁾. Вообще онъ любилъ простоту, считалъ книги и занятія лучшимъ развлеченіемъ и находилъ въ семейной жизни и въ исполненіи долга полное довольство. Чтеніе въ особенности составляло для него потребность, и въ книгахъ онъ дѣлалъ обыкновенно свои помѣтки; до какой степени онъ къ нимъ былъ привязанъ, усматривается между прочимъ изъ его письма къ женѣ, отправленнаго въ 1812 году изъ Тулы, когда, страдая тѣломъ и душою, онъ удалился отъ арміи и ждалъ отставки: „я ни на что болѣе не рассчитываю“, писалъ онъ ей 1-го октября, „даже ни на то, чтобы 30-лѣтняя, честная моя служба была принята во вниманіе; готовься къ уединенному и скудному образу жизни, продай все, что ты сочтешь излишнимъ, но сохрани только мою бібліотеку, собраніе картъ и рукописи въ моемъ бюро. Человѣку немного нужно, и даже съ ничтожными средствами онъ можетъ быть счастливъ, лишь бы у него сердце билось спокойно и достало духу возвыситься надъ дрязгами ежедневной жизни“. Возврънія Барклая мало со-

¹⁾ Записка, представленная Барклаемъ Императору Александру 23 января 1812 года: Il faut améliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car pour ces derniers il ne leur faut qu'un meilleur traitement.

²⁾ Изъ разсказовъ И. П. Липранди.

отвѣтствовали понятіямъ тогдашняго времени, когда блестящія поверхность и пышныя фразы имѣли большее значеніе и открывали дорогу. Неудивительно поэтому, что даже остроумный Ермоловъ составилъ далеко не вѣрную его характеристику. „Барклай-де-Толли“, говоритъ онъ, „неловкій у двора, не расположилъ къ себѣ людей близкихъ къ Государю; холодностью обращенія не снискалъ пріязни равныхъ, ни приверженности подчиненныхъ. До возвышенія въ чины имѣлъ состояніе весьма ограниченное, долженъ былъ смирять желанія, стѣснять потребности. Такое состояніе, конечно, не препятствуетъ стремленію души благородной, не погашаетъ ума высокія дарованія; но бѣдность однако жъ даетъ способы явить ихъ въ приличнѣйшемъ видѣ, не допуская сдѣлать обширныя связи, требующія нерѣдко взаимныхъ послугъ, иногда даже пожертвованій. Семейная жизнь не наполняла всего времени уединенія: жена не молода, не обладаетъ прелестями, которыя могутъ долго удерживать въ нѣкоторомъ очарованіи, всѣ другія чувства покоряя. Свободное время онъ употребилъ на полезныя занятія, обогатилъ себя познаніями. Ума образованнаго, положительнаго, терпѣливъ въ трудахъ, заботливъ о ввѣренномъ ему дѣлѣ, твердъ въ намѣреніяхъ, недоступенъ страху, нечуждый снисходительности, внимателенъ къ трудамъ другихъ и т. д., словомъ Барклай-де-Толли имѣетъ недостатки, съ большею частью людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающія весьма немногихъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ генераловъ“. Изъ враговъ Барклая Ермоловъ едва-ли не болѣе всѣхъ повредилъ ему въ 1812 году; но въ то время, когда онъ писалъ свои впечатлѣнія, чувства его къ прежнему начальнику давно уже измѣнились, и онъ, быть можетъ, охотно загладилъ бы прежнюю вину. Если и затѣмъ написанная имъ картина лишена сходства, то это доказываетъ только, что съ такими взглядами на жизнь и значеніе человека, какіе имѣлъ Ермоловъ, нельзя было понять Барклая. Разгадать его могли лишь тѣ, которые не въ наслажденіяхъ искали задачу жизни, которые чувствовали, хотя бы безсознательно, что самоотверженіе есть высшая добродѣтель,—а къ числу ихъ принадлежали не только нѣкоторые изъ окружавшихъ его и приближенныхъ къ нему лицъ, но и безчисленные простые воины, видѣвшіе въ немъ осуществленіе этой истины. Дѣйствительно, 3-й егерскій полкъ, по выраженію Булгарина, обожалъ своего шефа ¹⁾, а армія 1812 года, не взирая на интриги и клевету, и несмотря на прибытіе новаго главнокомандующаго, продолжала въ великій день Бородина признавать въ Барклаѣ своего

¹⁾ Воспоминанія. Ч. IV, стр. 175. Командиръ назывался тогда шефомъ.

главнаго вождя и привѣтствовала его на полѣ битвы громкими криками: ура! ¹⁾).

Главное военное управленіе того времени не имѣло еще надлежащаго устройства. Министерство военно-сухопутныхъ силъ замѣнило прежнюю военную коллегію въ 1802 году; въ томъ же году была образована при немъ инженерная экспедиція для завѣдыванія крѣпостями и зданіями, а въ 1805 году было прибавлено особое военно-медицинское управленіе. Дальнѣйшія преобразованія послѣдовали въ 1808 году съ назначеніемъ Аракчеева военнымъ министромъ, который сдѣлался и докладчикомъ по военной части. Тогда же и военно-походная Его Величества Канцелярія поступила въ вѣдѣніе министерства. Затѣмъ были учреждены рекрутскія депо, которыя послужили впоследствии къ образованію резервовъ. Дальнѣйшія преобразованія Аракчеева относились къ артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣны, совершившіяся при немъ по самому министерству, клонились преимущественно къ централизациі всѣхъ отраслей военнаго вѣдомства и къ увеличенію значенія министра; внутреннее же устройство оставалось въ томъ же положеніи, въ которомъ находилось въ 1802 году, и недостатки его, съ присоединеніемъ новыхъ управленій, сдѣлались еще болѣе ощутительными. Къ улучшенію войсковыхъ управленій также ничего не было сдѣлано; при отсутствіи надлежащей регламентаціи, кругъ дѣйствій и взаимныя отношенія различныхъ органовъ этихъ управленій, въ особенности хозяйственныхъ, а также права, обязанности и отвѣтственность начальниковъ оставались совершенно неопредѣленными, что нерѣдко имѣло пагубное вліяніе на состояніе войскъ и на самый ходъ военныхъ дѣйствій. Собственно, боевая организациі арміи находилась въ болѣе удовлетворительномъ состояніи съ тѣхъ поръ, какъ прежнія инспекціи были замѣнены дивизіями. Однакожъ дивизіи измѣнялись въ своемъ составѣ, а управленіе ими было предоставлено личному усмотрѣнію и произволу начальниковъ: корпусовъ не существовало, за исключеніемъ развѣ военнаго времени, когда они составлялись какъ бы случайно. Наконецъ, военныя силы имперіи, хотя и были увеличены вновь сформированными въ 1806 и послѣдующіе годы войсками, далеко еще не были достаточны для поддержанія самостоятельной ея политики, а тѣмъ болѣе для гигантской борьбы, ей угрожавшей.

Въ такомъ положеніи находилось военное вѣдомство, когда, 20 января 1810 года, состоялось назначеніе Барклая военнымъ

¹⁾ Михайловскій-Давыдовскій, Описаніе отечественной войны 1812 года. Ч. II, стр. 273.

министромъ. Ближайшія обстоятельства этого назначенія до насъ не дошли; извѣстно только, что онъ выказалъ свою самостоятельность тѣмъ, что не счелъ возможнымъ подчиниться Аракчееву, назначенному предсѣдателемъ военнаго департамента въ новомъ государственномъ совѣтѣ, и приобрѣлъ то же положеніе, которымъ пользовался его предшественникъ ¹⁾. Задача, предстоявшая ему, была тройкая; она заключалась въ организациі самого министерства, въ установленіи учрежденій для управленія арміи и ея составныхъ частей, и, наконецъ, въ увеличеніи и преобразованіи военныхъ силъ государства. Эту задачу постановилъ себѣ самъ Барклай и уже вскорѣ по принятіи новой должности онъ представилъ императору, вмѣстѣ съ проектами объ учрежденіи военнаго министерства, особый докладъ о „распорядкѣ арміи“, въ которомъ были изложены его мысли, какъ объ установленіи учрежденій, опредѣляющихъ „обязанности, предѣлы власти, отвѣтственность каждаго званія и порядокъ служенія въ военное и мирное время“, такъ и объ увеличеніи военныхъ силъ и введеніи преобразованій, вызываемыхъ „усиленіемъ арміи и перемѣнами въ самыхъ началвахъ военнаго искусства“ ²⁾.

На основаніи этой главной программы, Барклай немедленно началъ усиленныя работы, которыя продолжались до конца 1811 года и поступили тогда на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, послѣ чего, 27 января 1812 года, „учрежденіе военнаго министерства и учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“ были Высочайше утверждены.

Учрежденіе военнаго министерства заключало въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: совѣтъ военнаго министерства; двѣ канцеляріи, общая и особенная; два дежурства, по арміи и по рекрутской части, каждое въ вѣдѣніи дежурнаго генерала; семь департаментовъ: артиллерійскій, инженерный, инспекторскій, аудиторскій, комиссаріатскій, провіантскій и медицинскій; военно-ученый комитетъ, военно-топографическое депо и типографія. Каждое изъ этихъ управленій было подраздѣлено на отдѣленія, а каждое отдѣленіе на столы; кругъ дѣйствія департаментовъ, обязанности отдѣленій и занятія столовъ были опредѣлены и разграничены съ точностью, не допускавшей недоразумѣній. Квартирмейстерская часть, какъ видно, не была причислена къ министерству, хотя она и считалась соединенною съ собственнымъ Ею Величества депо картъ, вошедшимъ въ со-

¹⁾ Исторія царствованія Императора Александра I, Т. II, стр. 490.

²⁾ Докладъ № 612 подъ заглавіемъ: „общее положеніе о составѣ и распорядкѣ арміи“.

ставъ его. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что генеральный штабъ, незадолго до организаціи министерства, въ 1810 году, уже получалъ новое управленіе, подъ названіемъ „канцелярія управляющаго квартирмейстерскою частью“, и что Барклай считалъ нужнымъ сохранить этому управленію самостоятельность, подобно тому, какъ таковая была сохранена главнымъ управленіямъ артиллеріи и инженеровъ, одна лишь хозяйственная часть которыхъ вошла въ вѣдѣніе артиллерійскаго и инженернаго департаментовъ. Барклай смотрѣлъ на вновь учрежденное министерство какъ на высшее хозяйственное, административное и инспекторское управленіе военнаго вѣдомства, которому армию, а вмѣстѣ съ нею и спеціальныя роды оружія, подчинять не слѣдуетъ близко; знакомый съ войскомъ, онъ, какъ это ясно видно изъ объявленнаго вслѣдъ затѣмъ „учрежденія для управленія дѣйствующей арміи“, признавалъ необходимымъ дать главнымъ военно-начальникамъ высокое и вполне самостоятельное положеніе, согласно чему и вся служба при войскахъ должна была пріобрѣсть такое значеніе, чтобы званіе командира полка, дивизіи, корпуса цѣнилось выше всякихъ военно-административныхъ должностей. При такой обстановкѣ ограждались и матеріальные интересы войскъ, которые, какъ потребители всѣхъ предметовъ, снабжаемыхъ попеченіемъ министерства, пріобрѣли независимость, столь необходимую во взаимныхъ отношеніяхъ пріемщиковъ и поставщиковъ. Впрочемъ, для генеральнаго штаба, получившаго въ лицѣ князя Волковскаго просвѣщеннаго и дѣятельнаго начальника, это можетъ считаться временемъ его возрожденія. Изъ дневника Барклая 1805 года видно, что онъ придавалъ квартирмейстерской части большое значеніе и признавалъ необходимымъ дать ей надлежащее устройство; теперь онъ могъ осуществить свои взгляды, открывъ генеральному штабу, какъ сейчасъ увидимъ, обширное служебное поприще и доставивъ вновь учрежденному военно-топографическому депо значительныя средства для распространенія своей дѣятельности.

Одновременно съ учрежденіемъ военнаго министерства появилось въ свѣтъ и другое твореніе Барклая: „учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, которое, по словамъ одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ, достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя въ Россіи ¹⁾. Исполненіе этой второй задачи представляло еще болѣе затрудненія, но это не остановило Барклая; испытавъ въ предшествовавшихъ войнахъ, въ особенности въ кампаніи 1807 года, до какой степени недостатки организаціи вредно

¹⁾ Ф. Ф. Шубертъ, въ своихъ запискахъ.

отыываются на войскахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, онъ незадумавшись взялся за дѣло и неуклонно довелъ его до конца. Сотрудниками его въ этой важной работѣ были генералы Опперманъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій, князь Волконскій, Гогель, графъ Сенъ-При и полковникъ Перскій, составившіе подъ его предсѣдательствомъ особую комиссію ¹⁾; личными же секретарями Барклая по этой части были Воейковъ, его прежній бригадъ-маіоръ, и Канкринъ, извѣстный впоследствии министръ финансовъ. Матеріалами для составленія новаго кодекса послужили всѣ постановленія по военной части, существовавшія въ Россіи и изданныя во Франціи съ 1791 года. Вновь выработаннымъ уложеніемъ высшее управленіе дѣйствующей арміи сосредоточено въ четырехъ отдѣлахъ: Главномъ штабѣ и главныхъ управленіяхъ: Инженерномъ, Артиллерійскомъ и Интендантскомъ. Къ Главному штабу отнесены: Начальникъ штаба, генераль-квартирмейстеръ съ офицерами генеральнаго штаба, дежурный генералъ съ старшими адъютантами, генераль-аудиторъ, генераль-гевальдигеръ, комендантъ главной квартиры, генераль-вагенмейстеръ, директоръ военныхъ сообщений, генераль-штабъ-докторъ, полевой почтдиректоръ, капитанъ надъ вожатыми, полевой оберъ-священникъ и конвой главной квартиры. Главному интенданту подчинены: генераль-провіантмейстеръ съ провіантскими комиссіями и комиссіонерствами, генераль-крюгсъ-комиссаръ съ комиссаріатскими комиссіями и земскіе правители или комиссары для управленія занятыхъ областей. Затѣмъ при главнокомандующемъ учреждена особая канцелярія, съ дипломатическимъ отдѣленіемъ. Подобно главному управленію арміи были также организованы управленія корпусовъ и дивизій, названныя корпусными и дивизионными штабами; штабы эти составлены: корпусные—изъ начальника штаба, оберъ-квартирмейстера, дежурнаго штабъ-офицера, оберъ-провіантмейстера, оберъ-крюгсъ-комиссара, оберъ-гевальдигера, оберъ-вагенмейстера, оберъ-аудитора, корпуснаго штабъ-доктора и канцеляріи корпуснаго командира; дивизионные—изъ дивизионнаго квартирмейстера, старшаго адъютанта, провіантмейстера, гевальдигера, вагенмейстера, аудитора, дивизионнаго доктора и канцеляріи начальника дивизіи. Въ случаѣ отдѣленія корпуса или дивизіи прибавлялось: къ корпусному штабу—начальники инженеровъ и артиллеріи, священникъ, почтмейстеръ, земскій комиссаръ и конвой, а къ дивизионному—начальники: штаба, инженеровъ и артиллеріи, крюгсъ-комиссаръ, земскій комиссаръ и конвой. Всмотрѣваясь ближе въ „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“, нельзя не

¹⁾ Исторія царствованія Императора Александра I. Т. III, стр. 10—11.

подивиться, съ какою тщательностью выработаны всѣ его различныя части, въ особенности интендантская и госпитальная, находившіяся прежде въ совершенномъ запущеніи. Замѣчательна также точность, съ которою обозначена дѣятельность каждаго управленія, и полнота, съ которою опредѣлены права и отвѣтственность каждаго начальника. Затѣмъ проявляются въ немъ еще двѣ отличительныя черты: самостоятельное положеніе высшихъ начальниковъ и боевой характеръ войсковыхъ управленій. Глубоко убѣжденный, что всякое стѣсненіе главнокомандующаго можетъ имѣть только вредныя послѣдствія, Барклай счелъ нужнымъ предоставить ему въ военное время, по всѣмъ отраслямъ военнаго, хозяйственнаго и гражданскаго управленій, права, ограниченные только Высочайшею властью. Точно также и начальники главныхъ управленій пріобрѣли, каждый по своей части, въ весьма значительной степени свободу дѣйствій. Что касается войсковыхъ управленій, то они получили, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени, одинаковое устройство и почти одинаковый составъ; это дало возможность скрѣпить узы, связывающія войска съ начальниками, и внести въ нихъ взаимныя отношенія необходимое довѣріе. Наконецъ, „учрежденіе о большой дѣйствующей арміи“ имѣло также огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе квартирмейстерской части; установленіемъ должностей начальниковъ штабовъ и квартирмейстеровъ въ арміи, корпусахъ и дивизіяхъ, и постановленіемъ, чтобы дежурные штабъ-офицеры въ корпусныхъ штабахъ были избираемы изъ свитскихъ офицеровъ, оно открыло генеральному штабу обширную карьеру; съ другой стороны, возложеніемъ на него новыхъ и важныхъ обязанностей по „приготовительнымъ соображеніямъ къ военнымъ операціямъ и приведенію ихъ въ дѣйствіе“, оно возвысило его значеніе и доставило ему при войскахъ положеніе, соответствовавшее его достоинству.

„Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“, также какъ и „учрежденіе военнаго министерства“, сохранило свою силу въ продолженіе болѣе полу столѣтія; составляя трудъ людей, пріобрѣвшихъ извѣстность не только своими познаніями, но и боевою опытностью, и имѣвшихъ въ своей главѣ генерала, командовавшаго и въ мирное и въ военное время отдѣльными частями и отдѣльными отрядами, оба уложенія, обвинявшія всю организацію военныхъ силъ имперіи въ мирное и военное время, доказали свою полную состоятельность въ многочисленныхъ и большихъ войнахъ минувшаго столѣтія, начиная съ Отечественной. Обратимся теперь къ третьей задачѣ Барклая—развитію и преобразованію сухопутныхъ силъ.

При вступленіи Барклая въ должность военнаго министра наша армія состояла изъ 145 полковъ и 3 батал. пѣхоты, 64 пол. кавалеріи и 136 ротъ артиллеріи; составъ полковъ былъ весьма различный, общее же число баталіоновъ доходило до 370, а эскадроновъ до 380; артиллерія находилась еще въ формированіи. Всѣ эти войска были распределены по 26 дивизіямъ, составъ которыхъ измѣнялся. Численность полевыхъ войскъ была вообще слабая; изъ тогдашнихъ вѣдомостей усматривается, что даже списочное состояніе не превышало 350—400 чел. въ батальонъ; кромѣ того имѣлись еще гарнизонныя и инвалидныя войска и иррегулярныя, казачьи, число которыхъ измѣнялось сообразно имѣвшейся въ нихъ надобности.

Послѣдовавшія теперь преобразованія и усиленія арміи, вызванныя отчасти ожданіемъ возможнаго разрыва съ Наполеономъ, продолжались до весны 1812 года; а потому описаніе ихъ заключаетъ въ себѣ и самое описаніе нашихъ приготовленій въ отечественной войнѣ.

Съ наступленіемъ 1811 года начался рядъ формированій новыхъ полковъ и отдѣльных частей. Гвардія увеличена гвардейскимъ экипажемъ, сформированнымъ еще въ концѣ 1810 года, л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, преобразованнымъ изъ баталіона того же названія (приказъ отъ 19 октября 1811 года) и л.-гв. Литовскимъ полкомъ (приказъ отъ 7 ноября 1811 г.), образованнымъ изъ одного изъ баталіоновъ Преображенскаго полка, оставшагося затѣмъ въ трехъ-баталіонномъ составѣ. Къ гвардейской кавалеріи прибавлена л.-гв. Черноморская сотня (18 мая 1811 г.). Армейская пѣхота усилена сперва тринадцатю (Высочайшій указъ 7 января 1811 года, полки: Воронежскій, Брянскій, Литовскій, Подольскій, Эстляндскій, Орловскій, Галицкій, Великолудскій, Пензенскій, Саратовскій, Софійскій пѣхотные, 47 и 48 егерскіе), а потомъ еще шестю (Высочайшій указъ 6 ноября 1811 года, полки: Одесскій, Тарнопольскій, Виленскій и Симбирскій пѣхотные, 49 и 50 егерскіе) новыми полками, сформированными изъ лучшихъ гарнизонныхъ войскъ, и кромѣ того четырьмя полками, составленными изъ флотскихъ экипажей и названными поэтому морскими. Тогда же сформированъ 3-й учебный гренадерскій баталіонъ (16 іюля 1811 года). Армейская кавалерія увеличена двумя новыми кирасирскими полками (12 октября 1811 года, Астраханскимъ и Новгородскимъ), а полевая артиллерія—нѣсколькими ротами, изъ которыхъ сформирована новая бригада (15 октября 1811 года, 27-я бригада). Наконецъ пионерные полки, находившіеся въ составѣ двухъ баталіоновъ, получили третьи баталіоны. Въ то же время мушкетерскіе полки были переименованы: 1 въ гренадерскій, 14 въ егерскіе, всѣ остальные въ пѣхотные. Изъ новыхъ 23-хъ полковъ было 19-ть пѣхотныхъ и 4 егерскихъ. Въ концѣ 1810 года всѣ пѣхотные полки получали трехъ-баталіонный и всѣ баталіоны—четырехъ-ротный составъ; недостающіе въ полкахъ баталіоны были тогда же сформированы. Въ кавалеріи гвардейскіе, кирасирскіе и драгунскіе полки получали по пяти эскадроновъ, а уланскіе и гусарскіе по десяти. Составъ артиллерійскихъ бригадъ опредѣленъ въ

три роты, одну батарею и двѣ легкія; составъ этотъ распространенъ на всѣ полевые бригады.

Вмѣстѣ съ гѣмъ и гарнизонныя, а также мѣстныя войска были пополнены, усилены и переформированы въ составѣ 12 полковъ, 19 баталіоновъ и 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ. Артиллерійскія роты и команды, которыми были также снабжены взятыя отъ Турціи крѣпости, увеличено всего до 77. Наконецъ и инвалидныя части были преобразованы въ подвижныя роты и увѣдныя команды; первыя, въ составѣ 170 чел., было сформировано, соотвѣтственно числу губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ, 46, а послѣднихъ, въ составѣ 68 чел.—419 (27-го марта 1811 г.).

По сформированіи всѣхъ вышеозначенныхъ войскъ, составъ арміи сдѣлался слѣдующимъ:

Пѣхота: 6 гвардейскихъ полковъ 18 бат., гвардейскій экипажъ 1 бат., 14 гренадерскихъ полковъ 42 бат., 100 пѣхотныхъ (въ томъ числѣ 4 морскихъ) 300, 50 егерскихъ 150 бат., 3 учебныхъ гренадерскихъ баталіона 3 бат. всего 514 бат.

Кавалерія: 6 гвардейскихъ полковъ 28 эск. (л.-гв. налицій въ составѣ 3-хъ эск.), 2 гвардейскія сотни 2 эск., 8 кирасирскихъ полковъ 40 эск., 36 драгунскихъ 180 эск., 11 гусарскихъ 110 эск., 5 уланскъ 50 эск., всего 410 эск.

Артиллерія (въ свѣдѣніяхъ о состояніи артиллеріи, части, едва только формировавшіяся, нерѣдко показывались наличными и самыя исчисления производились иногда по роду артиллеріи, иногда по бригадамъ, при чемъ итоги не одинаковы; а потому въ показанія объ артиллеріи могли вкрасться неточности): Гвардейская артиллерія 6 ротъ, полевая 81 рота, резервная 40 ротъ, всего 159 ротъ (изъ нихъ нѣкоторыя еще формировались).

Инженерныя войска: 2 пѣхотныхъ полка 6 бат.

Определенными тогда штатами положено было имѣть строевыхъ чиновъ: въ гвардіи по 784 въ баталіонѣ и по 160 въ эскадронѣ, а въ арміи по 738 въ баталіонѣ и по 150 въ эскадронѣ; въ артиллеріи полагалось, смотря по роду ея, отъ 250 до 300 ч. въ ротѣ, а въ пѣхотѣ по 2.270 ч. въ полку. Такимъ образомъ комплектное число полевыхъ войскъ должно было быть: пѣхоты около 380.000 (379.826) чел., кавалерія 62.000 (61.800) чел., артиллерія 43.500 (43.776) чел., пѣхоты 4.500 (4.540) чел., всего около 490.000 чел.

Число полевыхъ орудій простиралось всего до 1.800.

Для доведенія войскъ до комплектнаго числа, были сдѣланы наборы: въ 1810 году по 3, а въ 1811 году по 4 человека на 500 душъ населенія (указъ отъ 16 сентября).

Общее число войскъ гарнизонныхъ и внутренней стражи было въ то же время слѣдующее: 12 гарнизонныхъ полковъ и 19 баталіоновъ—около 39.000 (39.326 чел.); 77 артиллерійскихъ и лабораторныхъ гарнизонныхъ ротъ и командъ—16.000 (16.016); 46 губернскихъ баталіоновъ и полубаталіоновъ—22.000 (22.008); 419 увѣдныхъ и инвалидныхъ командъ—20.000 (20.112); 46 подвижныхъ ротъ—8.000 (7.820). Всего около 105.000 чел.

Войска эти не могли конечно увеличить нашу боевую силу непосредственно, но, исполняя гарнизонную службу въ городахъ и отчасти въ крѣпостяхъ, они доставляли возможность употребить всѣ полевые войска въ дѣло.

Одновременно съ увеличеніемъ военныхъ силъ было приступлено къ правильному и равномерному соединенію отдѣльныхъ частей въ дивизіи. Изъ 6 полковъ гвардейской пѣхоты образована гвардейская пѣхотная дивизія; изъ 12 гренадерскихъ полковъ 1 и 2 гренадерскія; а изъ 96 пѣхотныхъ и 48 егерскихъ полковъ—пѣхотная дивизія №№ 3 до 26; изъ 6 послѣднихъ вновь сформированныхъ полковъ составлена 27 дивизія (Высочайшій указъ отъ 6 ноября 1811 года).

Пѣхотнымъ дивизіямъ данъ одинаковый составъ въ 3 бригады, каждая бригада въ 2 полка; въ гренадерскихъ дивизіяхъ всѣ полки были гренадерскіе, а въ другихъ по 4 пѣхотныхъ и по 2 егерскихъ. Въ Оренбургскомъ краѣ и западной Сибири приступлено къ сформированію 28 и 29 дивизій. Кавалерія, полки которой оставалась до того времени одиночными и сводились только для боя по особому на то приказанію и съ подчиненіемъ особо назначеннымъ генераламъ, получила теперь также постоянную организацію; изъ ней были составлены отдѣльныя дивизіи: гвардейская (гвардейскіе кирасирскіе полки: кавалергардскій и л.-гв. конный поступили въ составъ 1-я кирасирской дивизіи), 2 кирасирскія и 8 кавалерійскихъ; въ кирасирскія дивизіи назначено по пяти полковъ, въ томъ числѣ кавалергардскій и конногвардейскій, а въ кавалерійскія по 4 драгунскихъ и по 2 гусарскихъ или уланскихъ. Въ устройствѣ артиллеріи произошли также перемѣны: гвардейскій артиллерійскій баталіонъ переименованъ въ л.-гв. артиллерійскую бригаду (въ октябрѣ 1811 г.), а гвардейская конная артиллерія раздѣлена на двѣ батареи (2 сентября 1811 года); вся артиллерія раздѣлена: на одну гвардейскую, 27 полевыхъ, 10 резервныхъ и 4 запасныхъ бригадъ (24 февраля и 15 октября 1811 года). Каждый пѣхотный баталіонъ приведенъ въ составъ 3 пѣхотныхъ, 1 саперной и 1 минерной роты. Гарнизонные полки и баталіоны были распределены по крѣпостямъ и въ некоторымъ губернскимъ городамъ. Губернскіе же баталіоны и полубаталіоны, вмѣстѣ съ инвалидными ротами и командами, составили внутреннюю стражу, которая была раздѣлена на 8 округовъ каждый въ составѣ 3 бригадъ.

Одновременно съ внутреннимъ устройствомъ войскъ, были приняты мѣры и къ составленію изъ нихъ среды боевыхъ резервовъ и запасныхъ частей; для образованія первыхъ были назначены гренадерскія роты каждаго баталіона, а послѣднихъ—вторые баталіоны и послѣдніе эскадроны каждаго полка. Для дальнѣйшаго формированія резервовъ служили рекрутскія дела, число которыхъ увеличено вновь образованными въ 8-ти мѣстахъ новыми рекрутскими депо 2-я линіи (10 сентября 1811 года: въ Петроавдскѣ, Новгородѣ, Твери, Москвѣ, Орлѣ, Калугѣ, Курскѣ, Харьковѣ и Екатеринославѣ). Рекрутскія депо 1-й линіи образовали два резервныхъ корпуса, каждый изъ двухъ резервныхъ дивизій, и одной резервной артиллерійской бригады.

Въ концѣ 1811 года всѣ неисчисленныя выше полевая войска были распределены слѣдующимъ образомъ: въ Молдавской арміи, подъ начальствомъ Кутузова, дивизіи: 8-я, большая часть 9-я, 10-я, 15-я, 16-я и 22-я пѣхотная, 6 и 7-я кавалерійскія; въ Новороссійскомъ краѣ подъ начальствомъ герцога Ришелье: 13-я пѣхотная, другая часть 9-я и 8-я кавалерійская; на Кавказѣ и въ Грузіи, подъ начальствомъ Ртищева и маркиза Паулуччи: 19-я и 20-я пѣхотная и три полка драгунъ; въ Финляндіи подъ начальствомъ Штейнгеля: 6-я, 21-я и 25-я пѣхотная и два полка драгунъ;

27-я дивизія, Невѣровскаго, еще формировалась въ Москвѣ; 28-я, князя Волковскаго, и 29-я, Глазенапа, формировались на дальнемъ востокъ. Затѣмъ въ окрестностяхъ Петербурга, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссїи и на Волынѣ находились дивизїи: гвардейская, 1-я и 2-я гренадерскія, 3-я, 4-я, 5-я, 7-я, 11-я, 14-я, 17-я, 18-я, 23-я, 24-я и 26-я пѣхотныя и 1-я и 2-я кирасирскія, гвардейская, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я кавалерійскія.

Въ началѣ 1812 года были получены извѣстія о военныхъ приготовленїяхъ Наполеона, предвѣщавшихъ неминуемую войну; тогда послѣдовало распоряженіе о движенїи войскъ изъ Петербурга и Прибалтійскаго края къ западной границѣ, о привлеченїи туда же 9 и 15 дивизїй изъ Молдавіи, трехъ кавалерійскихъ полковъ съ юга и другихъ еще казачьихъ полковъ съ Дона, а также о составленїи войсковыхъ и общихъ резервовъ. Къ началу войны таковыхъ было сформировано: 1 и 2 сводныя гренадерскія дивизїи и сводная гренадерская бригада, а также 32, 33, 34, 35 и 36 пѣхотныя и 9, 10 и 11 кавалерійскія дивизїи. Оставшіяся затѣмъ запасныя и резервныя части поступили на укомплектованїе дѣйствующихъ войскъ. По объявленїи весною 1812 года дополнительнаго набора по 2 человека съ 500 ¹⁾, приступлено къ образованїю 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ ²⁾, а вскорѣ затѣмъ и 4 украинскіихъ конныхъ №№ 1—4; пѣхотные полки, удержанные на мѣстѣ формироваанїя, съ августа мѣсяца начали выдѣлять маршевыя части на укомплектованїе дѣйствующихъ войскъ, а конные уже въ концѣ іюня поступили въ составъ арміи Торماسона.

Въ мартѣ и апрѣлѣ 1812 года послѣдовало образованїе корпусовъ и армій въ войскахъ, собиравшихся у западной границы имперїи. Тамъ, какъ извѣстно, сосредоточивалось, вмѣстѣ съ гвардіею, 15 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизїй, къ которымъ прибавились 9-ая и 15-ая, слѣдовавшія изъ Молдавіи, три сводныя гренадерскія (изъ нихъ одна въ составѣ бригады) дивизїи и три кавалерійскихъ полка, такъ что общее число пѣхотныхъ дивизїй возрасло до 20-ти, а полковъ регулярной кавалерїи до 49-ти. Эти-то войска вмѣстѣ со своею артилерїею были раздѣлены на 10 пѣхотныхъ и 5 кавалерійскихъ корпусовъ. Пѣхотные корпуса были составлены изъ двухъ дивизїй съ своими артиллерійскими бригадами. Распределенїе въ нихъ кавалерїи было неодинаковое; пѣлыми дивизїями она была придана лишь 5-му и 8-му корпусамъ, въ составъ которыхъ вошли 1-ая и 2-ая кирасирскія дивизїи; въ 1-ый корпусъ

¹⁾ Указъ отъ 29 марта 1812 г.

²⁾ Въ Ярославль, Костромъ, Владимірѣ, Рязани, Тамбовѣ и Воронежѣ.

поступила три полка, а въ прочіе по одному восьми-эскадронному полку. Изъ остальной затѣмъ кавалеріи были образованы сначала четыре корпуса, а потомъ еще пятый (Ламберта); первые въ составѣ 5-ти, а послѣдній—8 полковъ. Конныя артиллерійскія роты, числомъ 16, были распределены по кавалерійскимъ частямъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ.

Изъ вновь сформированныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ корпусовъ были сначала образованы двѣ арміи: первая и вторая западныя ¹⁾. Въ составъ первой было назначено 6 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ корпуса, а въ составъ второй—4 пѣхотныхъ и 1 кавалерійскій. Третью армію, обсервационную, и двѣ резервныя предполагалось организовать изъ запасныхъ и резервныхъ войскъ. Но такъ какъ передъ началомъ войны оказались сформированными изъ запасныхъ и резервныхъ баталіоновъ и эскадроновъ только пять пѣхотныхъ и три кавалерійскихъ дивизіи, пришлось ограничиться образованіемъ изъ нихъ одного дѣйствующаго корпуса (Сакена) и двухъ резервныхъ (Меллера-Закомельскаго и Эртеля). Вскорѣ однако жъ явилась необходимость увеличить наши силы у границъ герцогства Варшавскаго, куда, казалось, устремлялись войска со всей странъ Европы; а потому 9-й и 10-й корпуса, привлеченные изъ войскъ Молдавской арміи и находившіеся у Дуѣстра, были выдѣлены состава 2-й арміи ²⁾, а остальные войска сей послѣдней притянуты къ сѣверу и усилены 27-ою пѣхотною дивизіею, получившею приказаніе слѣдовать изъ Москвы къ западной границѣ. Для образованія же на югѣ обсервационной арміи поступили, сверхъ 9-го и 10-го корпусовъ, еще корпусъ Сакена и вышеозначенный 5-й кавалерійскій корпусъ (Ламберта). Затѣмъ всѣмъ тремъ арміямъ были еще приданы казачьи полки: первой—18, второй—9 и обсервационной—9, а также и нѣсколько понтонныхъ и піонерныхъ ротъ.

Такимъ образомъ наши дѣйствующія арміи на западѣ получили слѣдующій составъ: первая западная—6 пѣхотныхъ корпусовъ и 8 кавалерійскихъ, всего 150 баталіоновъ, 132 эскадрона, 49 артиллерійскихъ ротъ съ 552 орудіями, 2 піонерныя и 2 понтонныя роты и 18 казачьихъ полковъ; вторая западная—2 пѣхотныхъ корпуса, къ которымъ прибавилась 27 дивизія, и 1 кавалерійскій, всего 46, а съ 27 дивизіею 58 баталіоновъ, 42 эскадрона, 18 артиллерійскихъ ротъ съ 216 орудіями, 1 понтонная и 1 піонерная

¹⁾ Высочайшее повелѣніе отъ 19 марта.

²⁾ Высочайшее повелѣніе отъ 8 мая.

роты и 9 казачьих полковъ; третья, обсервационная—2 пѣхотныхъ корпуса, 1 кавалерійскій и корпусъ Сакена, всего 54 баталіона, 76 эскадроновъ, 14 артиллерійскихъ ротъ съ 64 орудіями, 1 понтоная и 1 піонерная роты и 9 казачьихъ полковъ. Затѣмъ къ началу войны оказались еще сформированными два резервныхъ корпуса, первый изъ 32-й и 33-й пѣхотныхъ и 9-й кавалерійской, а второй изъ 34-й и 35-й пѣхотныхъ и 10-й кавалерійской дивизій. Подробный составъ дѣйствующихъ армій усматривается изъ показаннаго ниже общаго распisanія войскъ.

Обращаясь къ численному составу войскъ, собранныхъ у западной границы и предназначенныхъ противостать подходившимъ силамъ Наполеона, нужно, для полученія точныхъ данныхъ, сдѣлать нижеслѣдующія исчисленія ¹⁾. Комплектное число всѣхъ дѣйствующихъ войскъ въ Россіи, какъ выше показано, простиралось до 489,000 чел. Принимая число недоставшихъ до комплекта въ одну шестую общаго числа, что по свидѣтельству Толя, принца Евгенія Виртенбергскаго и др. близко подходитъ къ истинѣ, оказывается, что въ дѣйствительности имѣлось всего 407,500 чел. Изъ этого числа находилось: въ Молдавской (Дунайской) арміи 57,000 чел.; въ Новороссійскомъ краѣ 19,500; въ Грузіи и на Кавказской линіи 34,000; въ Финляндіи 30,000; въ запасныхъ войскахъ, за вычетомъ сформированнаго изъ нихъ корпуса Сакена, вмѣстѣ со всѣми командами въ рекрутскихъ депо и резервныхъ частяхъ до 72,000 человекъ. Наконецъ были также войска, вовсе не входившія въ составъ дивизій и корпусовъ: учебные баталіоны, часть піонеровъ и артиллеріи; въ нихъ считалось 12,000 чел. Затѣмъ на западной границѣ, включая и 27 дивизію, которая присоединилась къ войскамъ 2-й арміи до встрѣчи ихъ съ противникомъ, оставалось около 183,000 чел., къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 18,000 казаковъ. Такимъ образомъ общее число войскъ въ трехъ западныхъ арміяхъ доходило до 201,000 чел., а именно: въ первой 110,000; во второй, вмѣстѣ съ 27 дивизіею, 45,000; въ 3-й обсервационной 46,000. За ними, во второй линіи, находились ихъ запасныя и резервныя войска, а также пѣхотные и кавалерійскіе полки, сформированіе которыхъ было окончено во время войны. Изъ 34,000 запасныхъ войскъ, большая половина приняла непосредственное участіе въ войнѣ. Резервные баталіоны и эскадроны, хотя и послужили къ образованію двухъ резервныхъ корпусовъ, поступили также большею частью прямо на укомплектованіе дѣйствующихъ полковъ:

¹⁾ Нижепоказанныя числа повлечены изъ всѣхъ имѣющихся источниковъ, которые отдѣльно не показаны.

около 46.000 въ пѣхоту и болѣе 9.000 въ кавалерію. На формированіе двѣнадцати пѣхотныхъ полковъ было назначено 23.888 рекрутъ, а въ четырехъ украинскихъ полкахъ имѣлось 3.600 чел. Изъ этого видно, что общее число войскъ 2 линіи, подкрѣпившихъ дѣйствующія арміи по мѣрѣ ихъ отступленія во внутрь Россіи, простиралось до 100.000 чел.

Дѣятельность Барклая по время двухлѣтняго его управленія министерствомъ не ограничилась организаціею и усиленіемъ арміи. Она распространилась и на другія отрасли подчиненнаго ему вѣдомства и выразилась рядомъ весьма важныхъ мѣръ, изъ которыхъ по тогдашнему времени особеннаго вниманія заслуживаютъ: установленіе постоянного наблюденія за военными учрежденіями и боевыми силами иностранныхъ государствъ; обзорѣніе и изученіе западнаго пограничнаго пространства, какъ важнѣйшаго театра войны въ предѣлахъ Россіи; усиленіе оборонительныхъ линій на этомъ театрѣ войны искусственными укрѣпленіями; учрежденіе въ виду ожидавшейся войны продовольственныхъ магазиновъ и артиллерійскихъ парковъ.

Для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о военныхъ учрежденіяхъ и боевыхъ силахъ иностранныхъ государствъ, Барклай считалъ лучшимъ средствомъ имѣть при посольствахъ особыхъ агентовъ военнаго званія. До того времени командировались для этого за границу, когда было нужно, офицеры. Такъ князь Волконскій былъ командированъ вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира и изучалъ военныя постановленія европейскихъ государствъ болѣе двухъ лѣтъ; приведенныя имъ свѣдѣнія послужили драгоцѣннымъ матеріаломъ при послѣдовавшемъ тогда образованіи нашихъ новыхъ военныхъ учрежденій. Барклай считалъ однакожъ необходимымъ имѣть нѣсколько постоянныхъ военныхъ агентовъ, которые бы слѣдили за всѣми измѣненіями и распоряженіями по военной части и своевременно бы сообщали о томъ министерству. Въ одномъ изъ докладовъ Барклая въ концѣ 1810 года говорится о „свѣдущихъ и достойныхъ военныхъ чиновникахъ“, назначенныхъ въ Вѣну и Берлинъ, и испрашивается соизволеніе на назначеніе такового же въ герцогство Варшавское. Въ Парижѣ особаго военнаго агента не было, такъ какъ обязанности его исполнялъ какъ нельзя лучше флигель-адъютантъ Чернышевъ, находившійся почти постоянно при Наполеонѣ въ качествѣ довѣреннаго лица Императора Александра.

Для ближайшаго ознакомленія съ мѣстностью, которая могла послужить театромъ военныхъ дѣйствій, уже съ весны 1810 года было предпринято обзорѣніе западной пограничной полосы; эта работа,

возложенная на офицеровъ квартирмейстерской части, подъ руководствомъ полковника Довре ¹⁾, была произведена въ обширныхъ размѣрахъ. Въ 1811 году она была повторена, при чемъ уже прямо было указано, на какіе предметы обратить особенное вниманіе. Результатами этихъ работъ были: военная карта западнаго пограничнаго пространства, множество плановъ позицій и подробныя рекогносцировки, общая сводка которыхъ была возложена на заведывавшаго военно-топографическимъ депо генерала Опцерна и состоявшаго при немъ флигель-адъютанта, инженеръ-полковника Барклай-де-Толли ²⁾. Независимо сего, обзорніе западнаго театра войны было также возложено на известнаго военного писателя и ученаго, флигель-адъютанта Вольцогена, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ полученное имъ лѣтомъ 1811 г. отъ Барклая указаніе относительно выбора пункта между Динабургомъ и Бобруйскомъ, для укрѣпленія его съ цѣлью прикрытія пути на Оршу и Смоленскъ.

Въ открытой и плоской мѣстности западнаго пограничнаго пространства только нѣкоторыя рѣки теченіемъ своимъ образуютъ линіи, которыя въ известной степени могутъ быть названы оборонительными. Одну изъ нихъ, у самой тогдашней границы, составляютъ Нѣманъ, Боберъ, Наревъ и Бугъ; другую, въ разстояніи до 350 верстъ отъ предъидущей, образуютъ Западная Двина, Березина и Днѣпръ; эта послѣдняя служитъ также чертою между кореннымъ русскимъ населеніемъ и инороднымъ, что давало ей въ то время особенное значеніе. На всемъ этомъ пространствѣ было только два укрѣпленныхъ пункта, Рига и Кіевъ, отдаленные при томъ отъ центра дѣйствій и находившіеся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Вскорѣ по вступленіи Барклая въ должность военного министра было принято рѣшеніе исправить и усилить укрѣпленія Риги и Кіева и заложить двѣ новыя крѣпости, у Динабурга и Бобруйска. Работы эти, начатыя весною 1810 года, были поведены съ большою энергіею, такъ что около года спустя, лѣтомъ 1811 г., Вольцогенъ уже доносилъ о значительныхъ результатахъ, достигнутыхъ по возведенію новыхъ крѣпостей. Когда же враждебность Наполеона болѣе обпаружилась, Барклай, озабочиваясь прикрытіемъ дороги во внутрь Россіи, призналъ необходимымъ укрѣпить соответственный пунктъ на пути къ Смоленску и съ этою цѣлью предпи-

¹⁾ Одного изъ способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, приобрѣтающаго въ 1812—1814 г. известность въ званіи начальника штаба отдѣльнаго корпуса, а затѣмъ и арміи Витгенштейна.

²⁾ Братъ министра. „Исторія русскаго генеральнаго штаба“. Н. Глиноцкаго.

чалъ Вольцогену осмотрѣть Борисовъ и Зембинъ ¹⁾. Вольцогенъ высказался въ пользу Борисова ²⁾, укрѣпленіе котораго и было вслѣдъ затѣмъ начато; наконецъ, съ наступленіемъ весны 1812 года, съ цѣлью обезпечить сообщенія между отдѣльными частями арміи и согласно выработанному ученымъ генераломъ Перуль и утвержденному Императоромъ операціонному плану, были предприняты работы по укрѣпленію переправъ у мѣстечекъ Мосты и Сельцы на Нѣманѣ и Ясольдѣ и по устройству укрѣпленныхъ лагерей у Дриссы и Кіева. Къ началу возгорѣвшейся вскорѣ войны, предпринятая работа оказалась въ слѣдующемъ положеніи: Рига, Бобруйскъ и Кіевъ были приведены въ состояніе выдержать осаду; въ Динабургѣ успѣли окончить одно лишь мостовое укрѣпленіе; Борисовъ былъ приведенъ въ оборонительное положеніе; на переправахъ были сооружены тетъ-де-поны; изъ укрѣпленныхъ лагерей Дрисскій былъ почти совсѣмъ оконченъ.

Устройство артиллерійскихъ парковъ и провіантскихъ магазиновъ было весьма обширное; достаточно сказать, что во время всей войны войска ни въ чемъ не пуждались.

Ознакомившись въ главныхъ чертахъ съ военно-административною дѣятельностью Барклая, нельзя не подивиться громадности результатовъ, достигнутыхъ имъ въ короткое время управленія министерствомъ. Въ два года были созданы всѣ органы военнаго управленія для мирнаго и военнаго времени, были преобразованы и удвоены военныя силы государства, были, наконецъ, организованы новыя средства и заготовлены всякаго рода запасы на случай войны. Между тѣмъ, объ этой именно дѣятельности Барклая въ нашихъ военныхъ сочиненіяхъ почти не упоминается; въ нихъ говорится только о мѣрахъ, принятыхъ въ виду угрожавшей борьбы съ Наполеономъ, и указывается на ихъ недостаточность. Боевыя силы Россіи, сказано въ нихъ, увеличенныя всего на 50.000 чел. ³⁾, были на западной границѣ совершенно недостаточны ⁴⁾; крѣпости, какъ исправленныя, такъ и вновь заложеныя, не принесли пользы, тогда какъ дорога въ Москву была оставлена открытою ⁵⁾; магазины были расположены слишкомъ близко къ границѣ и подвергались опасности быть захваченными непріятелемъ ⁶⁾; все это указываетъ на отсутствіе преднамѣреннаго плана дѣйствій, и знаменитое от-

¹⁾ Предписаніе Барклая отъ 9 августа 1811 года.

²⁾ Записка отъ 15 сентября.

³⁾ Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 261.

⁴⁾ Bernhardt. Tolls Denkwürdigkeiten I, стр. 231—235.

⁵⁾ Smitt. Aufklärung über den Krieg von 1812, стр. 251.

⁶⁾ Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. I, стр. 64—65.

ступленіе совершилось только случайно, въ силу обстоятельств ¹⁾, Эти сужденія однакожь совершенно неосновательны въ отношеніи и войскъ, и крѣпостей, и магазиновъ.

Какъ изъ предшествовавшаго видно, число вновь сформированныхъ частей, не говоря уже о резервахъ, не ограничилось 76-ю баталіонами, поступившими въ 1811 г. въ составъ преобразованной арміи, и 36-ю баталіонами, сформированными въ 1812 г. изъ рекрутъ послѣдняго набора ²⁾; къ нимъ нужно еще прибавить многочисленныя третьи баталіоны, наибольшая часть которыхъ существовала передъ тѣмъ только на бумагѣ или вовсе не существовала. Но и не въ этомъ одномъ состояло умноженіе нашихъ силъ; оно заключалось также въ огромномъ увеличеніи численнаго состава арміи, который въ 1810 г. былъ столь слабъ, что не доставалъ и на половинное число тогдашнихъ боевыхъ еденицъ. Такъ въ корпусѣ Каменскаго, въ которомъ, при возобновленіи въ августѣ 1808 г. военныхъ дѣйствій, состояло 13 пѣхотныхъ полковъ, считалось, вмѣстѣ съ кавалеріею и артиллеріею, 10.500 чел., т. е. около 750 чел. на полкъ; въ другихъ корпусахъ Финляндской арміи, а также и въ арміи Молдавской численный составъ былъ не выше. Вообще при назначеніи въ 1810 г. Барклая министромъ, дѣйствительное число всѣхъ полевыхъ войскъ имперіи не превышало 200.000 чел. Въ 1812 году, хотя война на Дунаѣ и на Кавказѣ продолжалась и занятіе Финляндіи и Новороссійскаго края по-прежнему поглощало цѣлую армію, на одномъ западномъ театрѣ войны было собрано 200.000 чел. въ первой линіи и 100.000 во второй. При тогдашнихъ обстоятельствахъ эти силы были громадны; онѣ уступали конечно силамъ Наполеона, но не слѣдуетъ забывать, что въ 450.000 арміи, первоначально вступившей въ Россію, считалось не болѣе 200.000 французовъ,—остальные были италіянцы, испанцы, голландцы, вестфальцы, пруссаки, австрійцы, поляки, баварцы, саксонцы и т. д. Къ тому же въ то время, какъ удостовѣряютъ Клаузевицъ, Вольцогенъ, Евгенийъ Виртембергскій и др., никому и въ мысль не приходило, чтобы армія Наполеона могла достигнуть такихъ размѣровъ; такъ Вольцогенъ еще незадолго до войны высказалъ предположеніе, что число союзныхъ войскъ достигаетъ 160.000 чел. ³⁾, а наследный принцъ Шведскій, недавній

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе отечественной войны 1, стр. 148—149.

²⁾ Въ 12 новыхъ полкахъ.

³⁾ Записка отъ 30 января 1812 г., приложенная къ мемуарамъ Вольцогена.

маршалъ Франціи, знавшій средства своего бывшего повелителя утверждалъ въ началѣ 1812 года, что „войска Наполеона будутъ состоять изъ 250.000 чел., изъ которыхъ только 150.000 чел. пойдутъ въ дѣло, а остальные по необходимости останутся въ тылу“¹⁾. Что касается крѣпостей, то возведеніе ихъ требуетъ времени; понятно поэтому, что прежде всего слѣдовало озаботиться исправленіемъ и усиленіемъ тѣхъ, которыя уже имѣлись; изъ нихъ Рига, прикрывавшая ближайшую дорогу въ столицу, могла получить большое значеніе и, какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія на ходъ дѣйствій. Динабургъ, вновь заложенный, не могъ быть оконченъ и оказать существеннаго вліянія на войну 1812 года; Бобруйскъ же принесъ большую пользу второй арміи, обезпечивъ ей переправу черезъ Березину, на которой она легко могла быть предупреждена маршаломъ Даву. Остается московская дорога. Нѣтъ сомнѣнія, что сильная крѣпость по этому пути поставила бы непріятеля въ немалое затрудненіе, но крѣпости, какъ уже сказано, не создаются. Барклай и самъ созналъ важность этого направленія въ то время, когда никто о немъ не помышлялъ, что ясно усматривается изъ его предписанія — Вольцогену относительно укрѣпленія Борисова; предпріятыя же вслѣдствіе сего работы по недостатку времени не могли достигнуть значительныхъ размѣровъ. Впрочемъ, въ то время о возможности отступленія въ глубь Россіи, кромѣ Барклая, никто и не думалъ. Напротивъ, дипломатическіе переговоры повели весной 1812 г. къ заключенію съ берлинскимъ кабинетомъ военной конвенціи, на основаніи которой наши войска должны были двинуться черезъ границу и соединиться съ пруссаками. Конвенція была уже условлена между прусскимъ военнымъ министромъ и Барклаемъ, который началъ приготовленія къ возможному выдвигенію русскихъ армій къ Вислѣ. Все это достаточно выясняетъ распоряженія военнаго министерства относительно магазиновъ, которые по необходимости должны были быть учреждены ближе къ границѣ, гдѣ они, вслѣдствіе продолжительнаго расположенія тамъ западныхъ армій, были большею частью истратированы до начала войны. Но что сказать о выведеніи отсюда заключеніи, будто отступленіе къ Москвѣ было дѣломъ случайнымъ. Конечно, отступленіе, а тѣмъ болѣе отступленіе во внутрь своего отечества не можетъ составлять такого рода желательную цѣль, которую главнокомандующій хотѣлъ бы достигнуть во что бы то ни стало; и нѣтъ сомнѣнія, что Барклай, заключаая прусскую кон-

¹⁾ Денеша барона Николай отъ 10 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами, А. Н. Попова.

венцію, не имѣлъ намѣренія отступить къ Москвѣ. Но намѣреніе это явилось, какъ только обстоятельства выяснились, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что эта самая Пруссія заключила союзъ съ Франціею, когда обнаружилось, съ какими силами предстоитъ борьба. Тогда стало ему ясно, что нанесеніе противнику смертельнаго удара возможно только въ сердцѣ Россіи, и это убѣжденіе руководило всѣми его дѣйствіями съ той минуты, какъ управленіе арміи перешло въ его руки. Нѣтъ сомнѣнія, что памятникъ, который по выраженію Шуберта поставилъ себѣ Барклай „учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи“, можетъ въ одинаковой степени свидѣтельствовать о заслугахъ его по всѣмъ отраслямъ военного управленія.

Усиѣху всѣхъ тогдашняхъ преобразованій не мало способствовало и близкое участіе, принятое въ нихъ самимъ монархомъ. Императоръ Александръ, въ высшей степени интересовавшійся всѣми новыми проектами, обсуждалъ ихъ со своимъ министромъ еще прежде, нежели они были разрабатываемы, и изъ докладовъ того времени видно, что многіе важные вопросы, по которымъ испрашивалось Высочайшее утвержденіе, уже были ему извѣстны. Вообще отношенія между этими двумя благородными личностями имѣли особый характеръ. Барклай никогда не принадлежалъ къ числу любимцевъ Государя и близкихъ ему людей; недоступный низкопоклонству, лести и интригамъ, онъ царедворцемъ и быть не могъ. Онъ стоялъ хотя и дальше другихъ отъ своего монарха, но несравненно выше: онъ пользовался въ рѣдкой степени его уваженіемъ. Это уваженіе составляло отличительную черту всѣхъ сношеній Императора Александра съ Барклаемъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ; замѣчательно, что въ многочисленныхъ императорскихъ рескриптахъ на его имя нельзя найти ни малѣйшаго намека на какое-либо вознагражденіе за оказанныя или ожидаемыя услуги, тогда какъ въ подобныхъ документахъ того времени встрѣчаются весьма часто не только намеки такого рода, но и прямыя обѣщанія; достаточно вспомнить рескриптъ Кутузову, отъ 5-го апрѣля 1812 года, въ которомъ между прочимъ сказано: „нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія“. Въ частныхъ и личныхъ своихъ сношеніяхъ монархъ, обладавшій вообще обворожительною любезностью, высказывалъ Барклаю вниманіе, которое также выходило изъ обыкновеннаго. Это всего лучше усматривается изъ простыхъ разсказовъ самого Барклая въ его письмахъ къ женѣ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „Маневръ, на которомъ я сегодня присутствовалъ, продолжался отъ 7-ми часовъ утра до 12-ти, и я много терпѣлъ отъ жары. Госу-

дарь, отправляясь на маневръ, оказалъ мнѣ милость завзять за мною въ своей коляскѣ, а при возвращеніи подвезти меня домой. По дорогѣ мы встрѣтились съ вдовствующей императрицею; Государь приказалъ остановиться и поднялся съ своего мѣста, чтобы отдать честь своей матери, стоя. Я стоялъ вправо отъ него, опершись раненою рукою къ краю коляски; Его Величество, замѣтивъ это, охватилъ меня своею правою рукою и сказалъ: „я поддержу тебя, побереги свою руку ¹⁾“. Подобными знаками своей особенной ко мнѣ милости Государь такъ щедръ, что я не нашелъ тутъ ничего необыкновеннаго; но постороннихъ оно поразило, и извѣстіе объ этомъ распространилось по городу, какъ бѣглый огонь ²⁾“. Со своей стороны Барклай питалъ къ императору Александру безпредѣльную преданность, въ которой не было и тѣни эгоизма. Слава монарха была ему всегда дороже собственной славы, и для пользы его онъ готовъ былъ принести всякую жертву. Это чувство никогда его не покидало; даже въ ту эпоху 1812 года, когда, не признанный и оскорбленный, онъ покинулъ армію, Барклай не позволялъ себѣ говорить объ Императорѣ иначе, какъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, и это не только въ присутствіи постороннихъ, но и въ интимныхъ письмахъ къ женѣ, въ которыхъ были налиты все горькія чувства, наполнявшія тогда его душу. Таковая же почтительность встрѣчается также въ дневникѣ Барклая и доказываетъ, до какой степени этотъ человекъ, презиравшій низкопоклонство и лесть, въ то же время былъ проникнутъ благоговѣніемъ къ лицу монарха.

Отношенія Барклая къ обѣимъ Императрицамъ, Маріи Феодоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ, имѣли подобный же характеръ; сохранившіяся собственноручныя ихъ письма служатъ тому свидѣтельствомъ. Для примѣра приводимъ два изъ нихъ, полученныя Барклавомъ въ концѣ описываемой эпохи, когда онъ уже находился въ Вильнѣ въ званіи главнокомандующаго. Письмо вдовствующей Императрицы отъ 10 іюня 1812 г. изъ Павловска заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „Съ удовольствіемъ прочла я Ваше письмо отъ 6 сего мѣсяца и чрезвычайно обрадовалась, что Вамъ пріятно было получить вещи, отправленныя мною въ войска. Будьте увѣрены, что я нахожу особенное утѣшеніе въ томъ, чтобы содѣйствовать, на сколько отъ меня зависитъ, къ облегченію участи нашихъ храбрыхъ воиновъ и высказать имъ мою признательность за ихъ любовь и вѣрность Государю, моему любезнѣйшему сыну. Если бы

¹⁾ Въ то время честь отдавалось лѣвою рукою.

²⁾ Письмо Барклая къ женѣ отъ 17-го іюня 1811 года.

понадобились какіе-либо другіе предметы или другого рода помощь, то прошу Васъ, располагайте мною; я Вамъ буду искренно обязана, если Вы мнѣ доставите случай быть полезною. Твердо уповаю, что усердіе и храбрость войскъ, способности и достоинства начальниковъ и правота нашего дѣла не будутъ оставлены Провидѣніемъ безъ поддержки, я ежедневно молюсь объ успѣхѣ Вашихъ усилій и о ниспосланіи небеснаго благословенія на предпріятія Императора, клонящіяся ко благу человѣчества. Примьте также мои искреннія пожеланія къ сохраненію Вашего здоровья, въ которомъ я принимаю живѣйшее участіе, и вѣрьте чувствамъ уваженія и расположенія, съ которыми остаюсь благоволящая къ Вамъ Марія". Письмо императрицы Елизаветы, отъ 15 іюня изъ Каменнаго острова, имѣетъ подобное же содержаніе: „Съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣла я изъ Вашего письма отъ 5 іюня, что вещи, предназначенныя мною въ госпитали арміи, уже доставлены; благодарю Васъ за это извѣщеніе. Сожалѣю, что я должна ограничиться столь слабымъ доказательствомъ моей любви и моего участія къ арміи, храбрѣйшей и лучшей во всемъ свѣтѣ; я почла бы себя счастливою, если бы могла оказать ей болѣе дѣйствительную помощь. Ваши попеченія о ней и та доля ея славы, которая принадлежитъ Вамъ, доставляютъ мнѣ двойное удовольствіе выразить Вамъ эти чувства. Возсылаю къ небу самыя теплыя молитвы о благоденствіи и успѣхѣ какъ арміи, такъ и Вашемъ въ особенности. Виолиѣ къ Вамъ расположенна Елизавета".

Между тѣмъ грозовыя тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ Европы, какъ Наполеонъ и ни старался скрывать ихъ различными оптическими обманами, стали видимо приближаться къ нашимъ границамъ.

По мѣрѣ того, какъ отношенія Александра къ Наполеону стали охлаждаться, С.-Петербургскій кабинетъ долженъ былъ естественно озаботиться присканіемъ союзниковъ. Но въ этомъ отношеніи обстоятельства намъ мало благопріятствовали. На югѣ все еще продолжалась война съ Турціею; на сѣверѣ миръ едва только былъ заключенъ и надѣяться на расположеніе Швеціи, послѣ отнятія у нея Финляндіи, было невозможно. Австрія, послѣ Эрфутскаго конгресса, выказывала намъ мало дружелюбія; Пруссія находилась въ такой зависимости отъ Франціи, что не могла дѣйствовать по собственному влеченію. Такимъ образомъ, на оконечностяхъ нашей европейской границы, такъ сказать на флавахъ нашего боевого расположенія, можно было ожидать отъ сосѣдей только враждебныхъ дѣйствій; а въ центрѣ, предъ нашимъ западнымъ фронтомъ, хотя перспектива представлялась болѣе успокоительною, но и съ

этой стороны нельзя было рассчитывать на содействие пограничных монархий. Вскорѣ однакожь всѣ эти предположенія оказались невѣрными: государства, отъ которыхъ, въ случаѣ разрыва съ Франціею, намъ угрожала, повидимому, опасность, заключили миръ и союзъ, а державы, расположеніе которыхъ казалось болѣе обезпеченнымъ, выставили противъ насъ свои войска.

Война съ Турціею тянулась уже съ 1806 года. Она велась безъ энергіи и одновременно съ мирными переговорами. Вмѣшательство другихъ государствъ только портвило дѣло; какъ Франція, взявшаяся за примиреніе обѣихъ сторонъ, такъ и Австрія, посредничество которой было отвергнуто, только возбудили Порту противъ Россіи и подбивала ее не дѣлать уступокъ. Съ другой стороны, признанное Наполеономъ и громко возвѣщенное имъ присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи какъ бы вынуждало Императора Александра настаивать на приобрѣтеніи этихъ давно уже занятыхъ провинцій¹⁾. Между тѣмъ возраставшія несогласія съ Франціею требовали сосредоточенія большихъ силъ на западѣ и прекращенія войны. „Въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ Императоръ Наполеонъ“, писалъ въ началѣ 1811 года князь Курakinъ, „миръ съ Турціею и союзъ съ Австріею и Пруссіею не былъ бы ли гораздо полезнѣе для насъ, нежели приобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи“²⁾. Въ такомъ же смыслѣ доносилъ и Чернышевъ изъ Парижа, а также другіе представители Россіи при европейскихъ дворахъ. Но всѣхъ болѣе былъ заинтересованъ Барклай, который, по званію военнаго министра, а впослѣдствіи и главнокомандующаго, ежедневно испытывалъ, до какой степени безконечная война на югѣ затрудняла и тормозила всѣ административныя и военныя распоряженія на западѣ. Въ замѣткахъ его встрѣчаются весьма рѣзкія порицанія политики, стремящейся, вопреки видимой опасности отечества, къ бесполезнымъ приобрѣтеніямъ. Неудовольствіе его было также въ сильной степени возбуждено безпорядками и злоупотребленіями въ управленіи Дунайской арміи и жалобами туземцевъ на притѣсненія со стороны нашихъ войскъ, что онъ приписывалъ старости и слабости тогдашняго главнокомандующаго Кутузова, нравственныя правила котораго ему также не внушали довѣрія. Барклай не скрывалъ этого отъ императора, и нѣ одномъ изъ его донесеній мы читаемъ: „Уже нѣсколько разъ я съ сожа-

¹⁾ Присоединеніе Дунайскихъ княжествъ къ Россіи было признано Наполеономъ въ Эрфуртѣ и возвѣщено имъ законодательному собранію въ послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ тронной рѣчи.

²⁾ Сочиненія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

лѣніемъ доводилъ до свѣдѣнія Вашего Величества о томъ, какими способами производится содержаніе войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ въ Молдавіи, и вообще о происходящихъ тамъ недостойныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ¹⁾. Но въ большей еще степени тревожило Барклая невыгодное вліяніе этой войны въ стратегическомъ отношеніи. „При сомнительномъ положеніи Австріи“, писалъ онъ изъ Вильны, „вторая армія не можетъ выдвинуться далеко впередъ, потому что австрійцы оставались бы со своими двусмысленными дѣйствіями на флангъ и даже въ тылу ея. Если бы мы не имѣли на рукахъ войны съ Турціею, то нашъ лѣвый флангъ былъ бы обезпеченъ частью Дунайской арміи. Вглядываясь въ положеніе этого фланга, я каждый разъ сокрушаюсь при видѣ затрудненій, пронстекающихъ отъ продолженія войны съ турками“²⁾. Императоръ Александръ самъ желалъ мира и признавалъ его необходимость, но только требованія его дотога расходились съ условіями, предложенными Портою, что трудно было достигнуть согласенія³⁾.

Къ тому же эти требованія не соответствовали положенію дѣлъ на театрѣ войны. Бессарабія, Молдавія и Валахія находились, правда, въ нашихъ рукахъ уже съ 1806 года, но послѣдовавшія затѣмъ дѣйствія фельдмаршала Прозоровскаго, кн. Багратіона и гр. Каменскаго не были настолько успѣшны, чтобы вынудить Порту къ принятію нашихъ условій. Между тѣмъ оказалось нужнымъ отозвать съ театра войны пять дивизій для усиленія войскъ на западѣ; понятно, что задача новаго главнокомандующаго стала теперь несравненно труднѣе. Новый главнокомандующій этотъ былъ Кутузовъ. Прв тогдашнихъ обстоятельствахъ лучшій выборъ едва-ли возможно было слѣлать. Съ уменьшеніемъ числа войскъ почти на половину о наступательныхъ дѣйствіяхъ нельзя было помышлять; нужно было ограничиться сохраненіемъ прежнихъ пріобрѣтеній, пользоваться ошибками непріятели и стараться искуснымъ веденіемъ переговоровъ убѣдить его въ безполезности войны. А потому отъ новаго вождя требовалось не столько дарованій полководца, сколько талантовъ тонкаго политика и ловкаго дипломата. Этими-то качествами Кутузовъ обладалъ въ рѣд-

¹⁾ Письмо Барклая отъ 31 марта 1812 года.

²⁾ Письмо отъ 9 апрѣля 1812 года.

³⁾ Императоръ Александръ требовалъ Бессарабію и Дунайскія княжества, Авапу, признанія Христіанскихъ закавказскихъ провинцій — принадлежавшими Россіи и т. д., а Порты соглашалась на миръ на основаніи *status quo ante bellum*.

кой степени, и благодаря имъ былъ заключенъ 16 (28 мая), хотя не на такихъ условіяхъ, какъ думали, столь необходимый для Россіи миръ.

Швеція, обезсиленная войною и внутренними смутами, мало тревожила нашъ кабинетъ. Но смерть герцога Зюдерманландскаго и неожиданное избраніе маршала Бернадота наследникомъ шведскаго престола измѣнили положеніе дѣлъ. Избраніе это имѣло тѣмъ болѣе значенія, что, при старости и болѣзненности Карла XIII, управленіе государствомъ должно было перейти въ руки наследнаго принца, извѣстнаго не только своими военными дарованіями, но и самостоятельностью характера; съ другой стороны выборъ французскаго маршала нельзя было не приписать вліянію Наполеона. Вскорѣ однакожь обнаружилось противное: выборъ Бернадота далъ французскому императору поводъ относиться къ нему какъ къ подчиненному; при географическомъ же положеніи Швеціи, его угрозы были безопасны и могли только возбудить Бернадота противъ него. Такъ и случилось. Понимая, что единственное государство, отъ котораго шведской территоріи могла угрожать опасность, была соприкосновенная ей Россія, Бернадотъ старался, вопреки вѣковой политикѣ Швеціи, снискать расположеніе Императора Александра, союзъ съ которымъ могъ имѣть послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Норвегіи; кромѣ того в континентальная система, непремѣнное условіе французскаго союза, разоряла Швецію и вынуждала ее измѣнить свою политику. При такихъ условіяхъ, сближеніе между Стокгольмскимъ и С.-Петербургскимъ кабинетами повело скорѣ къ союзному договору, которымъ Швеція обязалась, взятъи общиной ей Норвегіи, выставить противъ Франціи и ея союзниковъ отъ 25 до 30 тысячъ войскъ. Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 24 марта (5 апрѣля) 1812 года, при чемъ было постановлено пригласить къ союзу и Англію. Тогда же былъ отправленъ въ Стокгольмъ генералъ Сухтеленъ, съ порученіемъ вступить въ переговоры съ прибывшимъ туда дипломатическимъ агентомъ Англіи и условиться съ наследнымъ принцемъ о будущихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ шведско-русскаго корпуса въ сѣверной Германіи.

Политика Австріи имѣла для насъ первостепенное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторой зависимости отъ нея находились и рѣшенія сосѣдней ей Пруссіи. Склонить эту политику въ нашу пользу, когда управленіе ею перешло въ руки Меттерниха, сдѣлалось невозможнымъ. Глава вѣйскаго кабинета считалъ напротивъ сближеніе Франца I съ Наполеономъ и разрывъ послѣдняго съ Александромъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для позвращенія Австріи того положенія въ Европѣ, которое она занимала прежде. Чтобы востор-

жествовать надъ предубѣжденіями своего монарха, достаточно было напомнить ему Эрфуртъ и указать на Дунайскія княжества, пріобрѣтеніе которыхъ Россію сдѣлаетъ, по словамъ Наполеона, „Австрію постояннымъ врагомъ ея“ ¹⁾. Меттернихъ, незамѣтно возбуждалъ Наполеона противъ Императора Александра, намекалъ на возможность союза съ Австріею и предлагалъ даже свое содѣйствіе привлечь къ этому союзу Порту и Швецію. Наконецъ, 2 (14 марта) 1812 года австрійскимъ посломъ въ Парижѣ Шварценбергомъ былъ заключенъ союзный договоръ, обязавшій Австрію выставить противъ Россіи вспомогательный корпусъ изъ 24.000 чел. пѣхоты, 6.000 кавалеріи и 60 орудій, съ такимъ расчетомъ, чтобы съ 1-го мая въ 15 дней онъ могъ быть собранъ въ Львовѣ ²⁾. Извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ не изъ Парижа и не изъ Вѣны, а изъ Стокгольма, гдѣ австрійскій посланникъ, согласно полученнымъ прямо отъ Шварценберга инструкціямъ, долженъ былъ пригласить къ союзу Швецію и обѣщать ей возвращеніе Финляндіи; однакожь Бернадотъ не только отклонялся отъ всякаго участія въ этомъ, какъ онъ выразился—„скверномъ союзѣ“ ³⁾, но и посмѣшилъ сообщить о всемъ генералу Сухтелену. Эта неожиданность не смутила Меттерниха; онъ нашелъ даже возможнымъ успокоить нашего посланника въ Вѣнѣ увѣреніемъ, что „жертва“, принесенная Австріею, вынуждена крайнею необходимостью, что между обими правительствами можетъ быть сохранено доброе согласіе и что, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, 200.000 войскъ, остающіяся въ распоряженіи Императора Франца, могутъ „послужить съ пользою для Россіи, какъ угроза для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, дальновидный дипломатъ, сумѣвшій вывести Австрію изъ враждебнаго къ Франціи положенія въ положеніе державы дружественной, а затѣмъ и союзной, уже тогда предвидѣлъ возможность той обратной политики, которой онъ послѣдовалъ годъ спустя, когда онъ столь же искусно возвратился изъ отношеній союзныхъ въ отношенія нейтральныя, а, наконецъ, и враждебныя.

Пруссія находилась въ другомъ положеніи; поставленная между

¹⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

²⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

двумя огнями, она по необходимости должна была присоединиться къ той или другой сторонѣ. Стремленія народа были въ пользу Россіи, которая одна могла освободить его отъ тяжелаго, постыднаго ига; но чувство самосохраненія, особенно сильное у короля и его приближенныхъ, естественно влекло къ Франціи, союзъ съ которою вѣрнѣе обезпечивалъ цѣлость сохранившихся владѣній. Въ столь затруднительномъ положеніи Фридрихъ-Вильгельмъ III незамѣтно возвратился къ двойственной политикѣ 1805 года. Въ одно и то же время были поведены тайные переговоры съ Россіею и Франціею, дошедшіе до того, что въ концѣ 1811 года ¹⁾ была заключена военная конвенція въ Петербургѣ, а въ началѣ 1812 года ²⁾ состоялся союзный договоръ въ Парижѣ.

Такимъ образомъ геніальному корсиканцу удалось ополчить всѣ націи континентальной Европы противъ единственнаго народа, сохранившаго свою самостоятельность; въ то время какъ италіянцы и тирольцы спускались съ Апеннинскихъ, а испанцы и португальцы съ Пиренейскихъ Альпъ, какъ голландцы и вестфальцы, франки и швабы, баварцы и саксонцы снаряжали свои контингенты, какъ французы легіонами валили въ Германію, а поляки толпами вооружались въ пользу своего мнимаго освободителя,—и послѣднія двѣ, недавно еще столь могущественныя державы, имѣвшія нѣкоторую независимость, нашлись также вынужденными обнажать свой мечъ противъ прежняго союзника и друга.

Между тѣмъ Наполеонъ не переставалъ успокоительными увѣреніями отклонять Россію отъ приготовленій къ войнѣ. Любезности его къ флигель-адъютанту Чернышеву не знали границъ; онъ бралъ его даже за ухо—высшее выраженіе Наполеоновскаго благоволенія—увѣряя честнымъ словомъ (въ 1811 году), что не сдѣлаетъ на насъ нападенія въ продолженіе 4 лѣтъ, и отправилъ его на другой день по заключеніи съ Пруссіею союза въ Петербургъ со словами: „я положительно Васъ увѣряю, что не начну съ Вами войны въ этомъ году“. Но всѣ эти увѣренія не обманули прозорливаго Чернышева, жорко слѣдившаго за всѣми распоряженіями французскаго императора и доносившаго о нихъ въ Петербургъ. Такой же системы обмана и лжи держалась также внѣшняя политика Наполеона. „Передовые отряды италіанской арміи уже находятся въ Мюнхенѣ“, писалъ герцогъ Бассано посланнику въ Петербургъ, „и повсюду производится общее движеніе войскъ. Ста-

¹⁾ 5 (17) октября.

²⁾ 12 (24) февраля.

райтесь при всякомъ случаѣ заявлять, что если будетъ война, то въ этомъ виновата сама Россія" ¹⁾).

Не таковы были дѣйствія Императора Александра. Искренно желая предотвратить бѣдствія войны, онъ былъ готовъ на уступку, незатрогивавшія чести и достоинства государства. Для сохраненія мира онъ пожертвовалъ конвенціею о польскомъ вопросѣ, предоставилъ разрѣшеніе Ольденбургскаго дѣла самому Наполеону и изъявлялъ даже готовность замѣнить статьи тарифа, казавшіяся невыгодными и оскорбительными для Франціи. Затѣмъ онъ имѣлъ право писать Наполеону: „Если начнется война, то только потому что Вы ее желали; употребивъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ свое существованіе" ²⁾. Безукоризненность политики Императора Александра была признана и новымъ посломъ Наполеона, который, подобно своему предшественнику, не могъ найти въ ней того, чего желалъ изъ повелитель. „Я могу видѣть только то, что дѣйствительно вижу, и описывать то, что вижу“, донесилъ въ началѣ 1812 года Лористанъ своему правительству. Положеніе дѣлъ таково, какъ я его описывалъ, и если вы хотите удовлетвориться единственно возможными уступками, то будетъ война и будетъ потому, что Вы сами ее хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, что я вижу и что замѣтилъ на моемъ пути“.

Такъ началась поистинная эпопея, кончившаяся общимъ замиреніемъ лишь въ октябрѣ 1815 г., когда виновникъ ея былъ отвезенъ плѣнникомъ на островъ Св. Елены.

В. В—нъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Дѣпеша отъ 26 февраля 1812 г. Сношенія Россіи съ европейскими державами. А. Н. Попова.

²⁾ Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войною 1812 г. А. Н. Попова.